

**ВОЕННО-
ИСТОРИЧЕСКИЙ
СБОРНИК**

**Михаил МЕЛЬТЮХОВ
Александр ОСОКИН
Игорь ПЫХАЛОВ**

Трагедия 1941

**Причины
катастрофы**

Военно-исторический сборник

Владислав Гончаров

**Трагедия 1941. Причины
катастрофы (сборник)**

«Яуза»

2008

Гончаров В. Л.

Трагедия 1941. Причины катастрофы (сборник) /
В. Л. Гончаров — «Яуза», 2008 — (Военно-исторический
сборник)

Новая книга проекта "Великая Отечественная катастрофа"! Самая откровенная и свободная дискуссия-без запретов и цензуры. Самые спорные гипотезы. Самые неожиданные мнения. Самые сенсационные выводы! Самые известные военные историки: М.Мельтюхов, И.Пыхалов, А.Осокин, А.Шубин, В.Гончаров и А.Морозов отвечают на самые главные вопросы отечественной истории: Что на самом деле произошло 22 июня на западных границах СССР? В чем причины разгрома Красной Армии? Кто виноват в Великой Отечественной катастрофе? Можно ли было предотвратить трагедию 1941 года?

© Гончаров В. Л., 2008

© Яуза, 2008

Содержание

М. И. Мельтюхов. Начальный период войны в документах военной контрразведки (22 июня – 9 июля 1941 г.)	5
О работе 3-го отдела	32
Александр Осокин. 22 Июня 1941 года: новая версия	47
Неожиданность нападения Гитлера	49
Превосходящие силы и техника фашистских войск	50
Превосходство немцев в боевом опыте	51
Возражения против версии о предательстве генералитета	52
Возражения против хрущевской версии	53
Возражения и соображения по версии Резуна – Суворова	54
Наша отечественная безалаберность	55
Возражения против версии о «стихийном восстании»	56
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Трагедия 1941. Причины катастрофы (сборник)

М. И. Мельтюхов. Начальный период войны в документах военной контрразведки (22 июня – 9 июля 1941 г.)

Изучение начального периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. продолжает оставаться актуальной задачей российской исторической науки. Рассекречивание недоступных ранее фондов военных архивов позволяет ввести в научный оборот неизвестные ранее материалы о событиях начала войны. Большое значение для этих исследований, наряду с другими источниками, имеют документы политорганов и военной контрразведки, отражающие положение в Действующей армии.

Контрразведкой в Красной армии с декабря 1918 г. занимались Особые отделы ВЧК – ОГПУ – НКВД. Однако 8 февраля 1941 г. согласно постановлению ЦК ВКП(б) и СНК СССР № 278-131сс «О передаче Особого отдела из Наркомвнудела СССР в ведение Наркомата Обороны и Наркомата Военно-Морского Флота» в составе НКО и НКВМФ создавались Третьи управления, а в НКВД – Третий отдел, занимавшиеся контрразведывательной работой¹. Однако в ходе начавшейся Великой Отечественной войны 17 июля 1941 г. согласно постановлению Государственного Комитета Обороны № 187сс Третье управление НКО вновь было реформировано в Управление Особых отделов НКВД².

Конечно, материалы военной контрразведки, как исторический источник, имеют ряд особенностей. Прежде всего следует отметить их критичность к описываемым событиям. Нацеленные на выявление и обобщение негативных фактов и явлений, органы военной контрразведки выполняли в Действующей армии функцию контрольно-надзорного аппарата. Естественно, что в этих документах в наибольшей степени отразились именно негативные явления. Вместе с тем эти документы дают возможность ощутить основные тенденции в восприятии происходивших событий их современниками. Приводимые ниже выдержки из документов военной контрразведки позволяют показать основные проблемы, с которыми столкнулись советские войска в первые недели войны с Германией.

Для удобства восприятия эти материалы сгруппированы по следующим тематическим разделам. Первая подборка посвящена проблемам в советских ВВС, затем приводятся подборки сведений по сухопутным войскам Северо-Западного, Западного и Юго-Западного фронтов за начальный период войны, хотя некоторые из этих документов и составлены намного позднее описываемых событий. Конечно, приводимые материалы не дают связной картины событий, это скорее мозаика отдельных эпизодов, описание которых также не следует воспринимать как истину в последней инстанции. Как и любой исторический источник, эти документы требуют критического отношения, но при этом являются необходимой частью всестороннего осмысления причин трагедии 1941 г.

¹ Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-5446. Оп. Зас. Д. 3. Л. 114–119. Частично опубликовано: 1941 год. Документы. Кн. 1. С. 598–600.

² 1941 год. Документы. Кн. 2. С. 473–474.

* * *

В 3.15 утра 22 июня 1941 г. Германия напала на Советский Союз. Стремясь захватить господство в воздухе, германские люфтваффе обрушили авиаудары по советским аэродромам, штабам, центрам связи и крупным населенным пунктам. Соответственно советские ВВС были вынуждены вступать в бой в условиях внезапного нападения. В результате к сложностям боевой обстановки в первые дни войны добавился целый ряд проблем, связанных с тыловым обеспечением авиации, организации ее боевой работы.

Наиболее важной проблемой **Военно-воздушных сил Красной армии** стали большие потери самолетов. Так, согласно спецсообщению 3-го Управления НКО № 35134 от 25 июня, на Северо-Западном фронте «наша авиация несет большие потери: было 880 самолетов, с 24 июня осталось в строю около 500. Самолеты выбыли из строя главным образом на аэродромах, по причине их скученности размещения, отсутствия нужного количества запасных аэродромов, площадок»³.

25 июня 3-е Управление НКО направило в Главное управление политической пропаганды Красной армии копию спецсообщения № 2/35064, в котором сообщалось, что «в руководстве нечеткость мягкотелость. Настроение в штабе округа ПрибОВО нервное, со стороны ряда руководящих работников проявляется неуверенность за создавшееся положение.

По состоянию на 24 июня с. г. от каждого полка авиации ПрибОВО в среднем осталось 10–20 самолетов. Во всей 7-й авиадивизии имеется около 60 самолетов, моторесурсы частей «СБ» в среднем ниже 50 %, боевых припасов авиации хватит на 1–2 суток только до 26 июня. По обещанному наряду подвозка боеприпасов авиации из Эстонии не обеспечивается из-за отсутствия транспорта. В связи с отходом частей недостает аэродромов, так как аэродромы в основном строились в юго-западных местах Литовской и Латвийской республик с расчетом наступления.

Настоящего руководства частями ВВС врид заместителем командующего ВВС генерал-майором авиации Андреевым и заместителем начальника штаба полковником Рассказовым не обеспечивается из-за отсутствия связи с некоторыми частями и командным пунктом фронта чувствуют отсутствие руководства и не распорядительность со стороны фронта сами надлежащих мер по бомбежке противника не организовали. Самолеты сидят на своих аэродромах, в результате большие потери на земле, из-за неорганизации выхода из-под удара противника»⁴.

Согласно спецсообщению 3-го Управления НКО № 2/35552 от 28 июня 1941 г.: «Основные потери [7-й авиадивизии] относятся к 46-му СБАП и объясняются неорганизованностью и растерянностью со стороны командира полка майора Сенько и начальника штаба подполковника Канунова, приведшим при первом налете противника весь личный состав в паническое состояние.

За 22 июня 46-й СБАП потерял 20 самолетов, из которых 10 были уничтожены при налете противника на Шауляйском аэродроме, а остальные сбиты при выполнении боевых заданий по бомбардировке войск противника в районе Тильзит и ст. Киллен.

Три девятки самолетов 46-го СБАП на выполнение боевых задач были выпущены без сопровождения своих истребителей. Посты наблюдения были не организованы, связи с ними штаб полка никакой не имел и не знал о их существовании»⁵.

³ Российский государственный военный архив. Ф. 9. Оп. 39. Д. 98. Л. 163.

⁴ Там же. Л. 263–264.

⁵ Там же. Л. 272.

Кроме того, оказалось, что далеко не все важные пункты прикрыты ПВО. Например, 27 июня 1941 г. начальник 2-го отдела 3-го Управления НКО бригадный комиссар Авсеевич докладывал:

«Оборона объектов Двинского [Даугавпилского] гарнизона не обеспечена; железнодорожные узлы, мосты и склады зенитными точками не прикрыты и остаются уязвимыми для авиации противника.

Оставшаяся истребительная эскадрилья 49-го авиаполка, обеспечить охрану объектов от налетов противника не в состоянии.

Противник проявляет исключительное внимание к разрушению мостов, стремясь прервать источники обеспечения Двинского гарнизона с последующим его окружением.

Посты ВНОС работают плохо, путают передачу сигналов на командный пункт из-за чего 22 июня с.г. летный состав полка, дислоцируемого на аэродроме «Рэндэнэ» шесть раз поднялся в воздух по ложной тревоге, а при действительном нападении противника наши истребители, будучи не предупреждены, поднялись в воздух, когда противник уже бомбардировал окраины города.

Личный состав подразделений ПВО Двинска [Даугавпилса] не знает типы наших самолетов и, несмотря на хорошую видимость распознавательных знаков, подвергает их обстрелу, так 22 июня с.г. 6 самолетов «СБ» уходили с литовских аэродромов из-под удара противника через Двинск и были подвергнуты обстрелу, случайно не окончившемуся жертвами. [...]

Такое же состояние противовоздушной обороны Великолукского аэродрома, где нет зенитных средств и истребительной авиации, хотя этот аэродром является узловым для транспортных самолетов.

Отсутствие средств ПВО аэродрома дает возможность безнаказанно появляться над городом вражеским самолетам, что имело место 25 июня 1941 г.»⁶

Согласно докладной записке № 03 от 28 июня начальника 3-го отдела Северо-Западного фронта дивизионного комиссара Бабич, «авиационные части ВВС фронта, вследствие вывода из строя всех аэродромов на территории Литвы и большей части Латвии, передислоцировались в различные пункты аэродромов Псковского узла, однако, на 28 июня к 11.00 связи с авиаполками, управлениями 8-й, 7-й и 57-й авиадивизий не установлена и об их действиях ничего не известно. Поддерживается связь только с 6-й авиадивизией – гор. Рига, часть которой действует в районе Риги и направлениях 8-й армии. Количество боевых самолетов в ВВС, вследствие больших потерь на аэродромах, насчитывается 150–160 самолетов, из них истребителей около 100 штук. Отсутствие связи не дает возможности эти самолеты сконцентрировать в боевой кулак, и они разрозненны. Отдельные полки имеют по 6—10 самолетов.

Некоторые командиры авиаполков и авиадивизий, не получая приказов фронта, переезжают с места на место самостоятельно (7-я авиадивизия и 54-й СБАП) и этим еще больше вносят путаницу в отдачу им боевых приказов.

Командир 7-й авиадивизии полковник Петров с самого начала боевых действий все боевые вылеты организовывал по своему усмотрению, надлежаще боевыми операциями не руководил с самого начала. 19 июня Петров был предупрежден заместителем командующего ВВС по политработе о возможных военных действиях; ему был указан срок готовности к 3 часам 22 июня с.г. Петров к этому указанию отнесся крайне халатно. Не истребовал от командиров полков выполнения этого указания и полки фактически были противником застигнуты врасплох, в результате чего и были большие потери самолетов на аэродромах.

Командир 54-го СБАП майор Скиба боевыми вылетами руководит плохо, на аэродромах не бывает, приказание отдает из блиндажа, без всяких данных: «Идите бомбить – цель найдете сами».

⁶ Там же. Л. 133–134.

На замечание, что без данных о противнике можно разбомбить и своих, Скиба отвечал: «Я ничего не знаю». В первый день войны отдал приказание поднять 3-ю эскадрилью и ждать дальнейших распоряжений в воздухе. Эскадрилья, вооруженная самолетами «Ар-2» и четырьмя самолетами «СБ», ожидала распоряжения в воздухе 1,5 часа, в результате чего боевое задание выполнить не могла, так как она всего может находиться в полете 3–4 часа. Самолеты «Ар-2» вынуждены были сесть на свой аэродром с бомбами, а звено «СБ», вылетевшее на боевое задание, после 1,5 часов пребывания в воздухе полностью погибло.

Эскадрилья майора Иванова, будучи подготовленной к ночным полетам, ночью не использовалась, и когда по этому вопросу Иванов обратился к Скиба, чтобы летать только ночью, Скиба ответил: «Нет такого приказа».

Сам Скиба на боевое задание не вылетал и прикрепленный к нему самолет передал другому летчику, так же поступил его помощник майор Леонтьев.

Перед базированием с одного аэродрома на другой Скиба, имея возможность вывозить ценное боевое имущество, бросал или уничтожал его.

По данному факту проводится расследование на предмет придания суду майора Скиба»⁷.

Как указывалось в спецсообщении 3-го Управления НКО № 37738 от 14 июля 1941 г., «оставшееся минимальное количество истребительной авиации ВВС Северо-Западного фронта из-за отсутствия сжатого воздуха для запуска моторов бездействует.

Бомбардировщики, посылаемые на уничтожение живой силы противника без прикрытия истребителей, несут большие потери как матчасти, так и летно-подъемного состава.

7 июля с.г. на уничтожение войск противника в районе гор. Остров вылетало 17 самолетов «СБ» 7-й авиадивизии без прикрытия истребителей, и ни один из них на свою базу не возвратился.

Всего в частях дивизии осталось 24 боевых самолета, остальная материальная часть уничтожена авиацией противника в большом количестве на аэродромах. [...]

Эвакуация баз и частей от передовых линий фронта происходит не организованно, само командование проявляет панику, что вызывает большую потерю боеприпасов и других видов технического снабжения.

3 июля с.г. из района Опочка перебазировалась 110-я авиабаза 6-й авиадивизии, ответственные за погрузку инженер Кашиниен и помощник начальника штаба по тылу майор Шмелев, не имея взрывчатых веществ, оставили врагу 48 вагонов авиационных бомб.

6 июля с.г. 25-я авиабаза 8-й авиадивизии перебазировалась из местечка Карамышева, для перевозки грузов было подано 4 платформы, однако полковник Шевченко приказал запас бомб и горючего взорвать, имеющиеся 9 самолетов уничтожить, пулеметы ШКАС побросать в колодцы. Что и было сделано, а платформы и автотранспорт были использованы для перевозки личных предметов командования (мотоциклы, велосипеды, подбитые легковые машины).

Уничтожение материальной части, запасов горючего и авиабомб не вызывалось необходимостью, так как противник находился на большом расстоянии от места базирования, имелась полная возможность перевести в тыл.

13-я, 127-я и 206-я авиабазы при паническом бегстве большинство запасов оставили на территории, занятой врагом, не уничтожив боевого имущества.

Командир 127-й авиабазы старший лейтенант Четыркин на площадке Груджай оставил врагу 5 144 авиабомбы (разных марок), 442 500 винтовочных и авиационных патрон и 10 пулеметов ШКАС.

В Шауляе оставлено 18 вагонов авиабомб, 3 млн авиапатрон, несколько тонн бензина, продовольственные, вещевые и технические склады.

⁷ Там же. Д. 103. Л. 86–87.

Отдел снабжения штаба ВВС фронта, возглавляемый военинженером 1 ранга Ивановым и интендантом 1-го ранга Лисянским, вопросами эвакуации боевого имущества по-настоящему не руководят, указаний авиачастям на случай отступления в части принятия мер с горючим и боеприпасами не давали. Посылаемые работники штаба в части для руководства эвакуацией практической помощи не оказывают.

Командированный из штаба в Шауляйский гарнизон военинженер Батаев вместо оказания практической помощи гарнизону в перевозке боеимущества заручился от командира базы Любогощева распиской, обязывающей последнего вывести все имущество.

Для уничтожения секретной и совершенно секретной документации 10-го авиаполка и 206-й базы в г. Митава [Елгава] были посланы батальонный комиссар Маложин, старший политрук Барыбин и начальник общей части Кудрявцев, которые, перепоручив это задание младшему командиру и красноармейцам, занялись сбором личных вещей, в результате документация указанных частей в том числе и шифр при отступлении остались неуничтоженными.

ВВС фронта, потеряв свои базы, довольствуется снабжением боеприпасами, горючим и автотранспортом со складов ЛВО, запасы которых, будучи не рассчитаны на обеспечение двух фронтов, полностью запросы ВВС Северо-Западного фронта удовлетворить не могут»⁸.

Ситуация для **ВВС Западного фронта** сложилась ничуть не лучше. Так, согласно донесению уполномоченного 3-го отдела 10-й смешанной авиадивизии Леонова от 27 июня, «в Вельском истребительном авиаполку за 2 часа до налета была тревога, и только разошлись по домам, как был произведен налет германской авиации.

На рассвете в воскресенье 22 июня германская авиация напала количеством в 100 самолетов на крепость, полигон и все места дислоцирования частей Красной Армии в гор. Бресте. Особенно точно германская авиация знала расположение наших аэродромов, которые были подвергнуты обстрелу из пулеметов зажигательными пулями, в результате чего в Брест – Кобринском направлении, которое прикрывалось 4 полками 10-й авиадивизии, находившимися: 123-й ИАП – в дер. Именины (г. Кобрин), 74-й ШАП – Малые Взводы (что в 18 км от границы), 33-й ИАП – гор. Пружаны и 39-й СБАП – гор. Пинск, германской авиацией подверглись почти что полному уничтожению на земле. Боеспособной матчасти осталось единицы. Характерно, что матчасть в этих полках, за исключением 39-го авиаполка, была не рассредоточена.

На Пинском аэродроме, где дислоцируется 39-й СБАП, эскадрилья самолетов Пинской флотилии, которая не была рассредоточена, подверглась полному уничтожению противником. Характерно, что объекты, расположенные ближе к германской границе, как-то: 74-й ШАП, 123-й ИАП подверглись более раннему нападению, чем 39-й СБАП, [но] не предупредили наши части, находящиеся в отдаленном месте от линии фронта, то есть от германской границы, в результате этого авиация противника уничтожила и эти, наиболее отдаленные аэродромы, путем обстрела из пулеметов.

Одновременно подверглись сильной бомбардировке военные городки и дома начсостава, в результате чего из крепости и полигона гор. Бреста осталось из состава семей и комначсостава незначительное количество людей, остальные все погибли в развалинах домов. Так, например, полковая школа в крепости г. Бреста была разрушена, никто из курсантов не мог спастись.

В гор. Кобрине много погибло в разрушенных домах начсостава и членов их семей штаба 4-й армии.

Из 472-го артполка спаслось 7 семей; из 48-го стрелкового полка спаслись 6 семей.

Склады бензина и боеприпасов 33-го ИАП, 123-го ИАП, 39-го СБАП были уничтожены.

По 39-му СБАП, несмотря на то, что производилось 3 налета, не смогли отстоять и сохранить матчасть самолетов.

⁸ Там же. Д. 99. Л. 376–379.

Летно-технический состав почти что не понес потерь, за исключением 74-го ШАП, о котором командование дивизии не имело никаких данных, так как связь с этим полком прервана, а самолетом У-2 установить связь было невозможно, так как налет авиации противника производился волной с кратким интервалом.

Несмотря на тяжелые потери матчасти самолетов по 10-й авиадивизии, оставшиеся 6 самолетов 123-го ИАП производили сильное отражение нападения ВВС противника, как на станцию, военный городок и гор. Кобрин.

При появлении эскадрильи самолетов противника количеством от 12 до 18 самолетов, наши летчики по 2–3 самолета 123-го авиаполка вылетали навстречу, принимали лобовой бой, сбивая по 3–4 самолета, обращали в бегство противника и не давали возможности производить дальнейшие разрушения.

Германские летчики одеты в гражданскую форму – в серые суконные мундиры однобортного фасона, брюки на выпуск такого же качества, как и френч, без всяких эмблем и пуговиц военного образца, фуражки с большими кожаными наушниками, в гражданских шелковых рубашках, кожаных желтых ботинках с толстой подметкой. Поверх всего этого одеты в серые летные комбинезоны. Одежда, видимо, служит для укрытия в случае вынужденных посадок.

Из числа убитых германских летчиков один был поляк, взятый в плен один летчик, также оказался поляком.

Такая же форма одежды была на летчике сбитого самолета близ Пинского аэродрома.

Германские летчики летают на самолетах чешского производства завода „Шкода“, имеют личное оружие „Парабеллум“.

Основной причиной, послужившей большому количеству потерь самолетов на аэродромах явилось то, что командование дивизии не рассредоточило мат-часть самолетов. Кроме того, налет был внезапным, и не была организована защита аэродромов от последующих налетов германской авиации после первого нападения.

Такой факт имел место в 39-м СБАП, где было 3 налета. В результате рассеянности командования и отсутствия приказа действовать, матчасть самолетов была уничтожена. Во время последнего налета вылетевший самолет „СБ“ сбил самолет противника „Ю-88“.

Зенитные пулеметы на аэродромах бездействовали. Пулеметы на уцелевших самолетах не были приведены в действие. Между перерывами налетов мер к спасению матчасти самолетов не предпринималось.

В первый же день военных действий весь летный состав был на аэродромах, ничего не делал, то есть не уходил в тыл и был в растерянности, в результате того, что нечем было воевать.

На аэродромах в основном велась подготовка к отражению предполагаемой высадки десантов. Запасы бомб, продовольствия, обмундирования в тыл не вывозились, бомбы не рассредоточивались.

С наступлением противника на авиагарнизон 123-го и 33-го ИАП запасы, видимо, не будут уничтожены, так как совершенно не организована эвакуация, бегут в беспорядке, то основное внимание этих гарнизонов будет сосредоточено на спасении жизней семей.

Командование дивизии не планирует эвакуации военнослужащих и членов семей.

Настроение личного состава боевое, несмотря на то, что большие потери. Отсутствие матчасти самолетов приводит в отчаяние летчиков.

Самолеты противника в бой не вступают, всякий раз при появлении наших самолетов из боя выходят на больших скоростях. [...]

Железнодорожная сигнализация (семафоры, стрелки) на всей магистрали от Кобрина до Гомеля и от Гомеля до Москвы не замаскированы, представляют хороший объект бомбардировки железнодорожных путей, что может нарушить коммуникации наших войск, а также служит хорошим ориентиром (маяками) в ночное время при полетах германских самолетов.

Германские самолеты по этой железнодорожной магистрали ночью ходят на высоте 400–300 метров с двумя сильно освещенными фарами (прожектора) и нащупывают наши эшелоны»⁹.

Согласно рапорту начальника 3-го отдела 10-й армии полкового комиссара Лось от 13 июля, «в 3 часа 58 минут над Белостоком появились первые самолеты противника и вслед за этим начали бомбить белостокский аэродром, батальон связи армии, узел связи, железную дорогу и ряд других объектов. Одновременно бомбардировке подверглись почти все города и местечки, где располагались штабы соединений 10-й армии.

4-я бригада ПВО, прикрывающая Белосток, примерно до 8 часов утра бездействовала и ни одного выстрела по противнику не произвела. При расследовании выяснилось, что 4-я бригада ПВО имела специальное приказание от помощника командующего ЗапОВО по ПВО до особого распоряжения по самолетам противника не стрелять и это приказание было отменено уже командующим 10-й армией.

9-я авиадивизия, дислоцированная в Белостоке, несмотря на то, что получила приказ быть в боевой готовности с 20 на 21 число, была также застигнута врасплох и начала прикрывать Белосток несколькими самолетами «МИГ» из 41-го полка»¹⁰.

Как указывалось в спецсообщении 3-го Управления НКО № 37928 от 15 июля, «произведенным расследованием причин уничтожения фашистской авиацией всей материальной части в 41-м и 124-м ИАП 9-й смешанной авиадивизии установлено:

Командир 41-го авиаполка майор Ершов в момент налета самолетов противника утром 22 июня растерялся и не мог организовать личный состав полка для отпора противнику.

Несмотря на то что при первом налете фашистских самолетов на аэродром Сибурчин, где дислоцировался 41-й ИАП, противник не вывел из строя ни одного боевого самолета, так как все они были рассредоточены и замаскированы, Ершов не принял самостоятельных действий по нанесению решительного удара самолетам противника, ожидая указаний от командования 9-й АД.

Майор Ершов, имея в своем распоряжении боевой полк, вместо принятия решения действовать соединениями, высылал навстречу противнику по 1–2 самолета, которые уничтожались противником. Таким образом были убиты лучшие летчики полка – Солоха, Аксенов, Чернявский и подбиты – Крутоверец, Коробков, Кукушкин и Киселев.

Ершов, не имея необходимости перебазироваться с аэродрома Сибурчин, так как на этом аэродроме имелось все для ведения боя, принял решение перебросить полк на аэродром Курьяны, а затем вечером 22 июня перебазировался на аэродром Квартеры. Впоследствии вся материальная часть была уничтожена вследствие того, что самолеты на этих аэродромах не имели воздуха для заправки самолетов и патрон к пулемету БС, оказавшись небоеспособным.

Командир 124-го ИАП майор Полунин к моменту военных действий находился в отпуску и прибыл в полк только днем 22 июня, когда противник уже совершил два налета на аэродром. После третьего налета самолетов противника, Полунин улетел на самолете УТИ-4, не дав никаких указаний.

Помощник командира 124-го ИАП капитан Круглов, оставался за командира полка на время его отпуска, 22 июня утром при налете фашистской авиации растерялся и не принял решительных мер по борьбе с ней.

Все распоряжения Круглова носили неорганизованный характер. Самолеты выпускались в воздух не подразделениями, а одиночками, что не давало должного эффекта по отпору вражеским самолетам.

⁹ Там же. Д. 98. Л. 243–249.

¹⁰ Там же. Д. 99. Л. 331.

У большинства истребителей «МИГ-3» не стреляли пулеметы, так как бригада завода № 1 не успела отрегулировать их. Все это привело к тому, что все самолеты полка были уничтожены»¹¹.

Согласно спецсообщению 3-го Управления НКО № 36701 от 5 июля, «службы ВНОС и ПВО по обороне Минска работали крайне плохо. В ряде случаев отсутствовала сигнализация и связь в момент появления самолетов противника. Зенитные батареи действовали беспорядочно. Когда одна батарея открывала огонь, то за ней открывали и другие, не зная, стреляют ли они по самолетам противника или по своим. За 23 июня нашими зенитными батареями во время обстрела повреждено 3 самолета «СБ». Имел место обстрел над своим аэродромом самолетов «СБ» 313-го отдельного разведывательного авиаполка, возвращавшихся с боевого задания, истребителями 163-го ИАП 43-й авиадивизии.

Это вызвало ряд отрицательных настроений среди личного состава полка.

Командир 6-й батареи в/ч 4229 7-й бригады ПВО младший лейтенант Чекуров в местечке Щучине после обстрела батареи с самолета противника бежал, оставив бойцов, которые затем также разбежались»¹².

Схожие проблемы встали и перед **ВВС Юго-Западного фронта**. Как указывалось в спецсообщении 3-го Управления НКО № 36137 от 1 июля, «несмотря на сигналы о реальной возможности нападения противника, отдельные командиры частей Юго-Западно-го фронта не сумели быстро отразить нападение противника.

В гор. Черновицах 21 июня с.г. летный состав был отпущен в город, вследствие чего истребительные самолеты не были подняты для отражения нападения противника.

Командир 87-го ИАП и 16-й авиадивизии майор Слыгин и его заместитель] по политчасти батальонный комиссар Черный в ночь под 22 июня вместе с другими командирами пьянствовали в ресторане города Бучач. После получения телеграммы из штаба 16-й авиадивизии о боевой тревоге командование полка, будучи в пьяном состоянии, не сумело быстро привести в порядок полк.

22 июня в 5.50 над аэродромом появился немецкий бомбардировщик, который был принят за самолет командира дивизии. Ввиду этого он беспрепятственно с высоты 10–15 метров начал обстрел аэродрома и вывел из строя 9 самолетов.

Противовоздушная оборона была организована плохо. Зенитная артиллерия пяти бригад ПВО фронта и зенитных дивизионов, состоящая из 37-мм и 85-мм зенитных пушек, не имела к ним снарядов.

Бомбардировщики Пе-2 не могли быть использованы для выполнения боевых заданий, так как они вооружены крупнокалиберными пулеметами, к которым не было патронов. [...]

Зенитная артиллерия 18-го зенитного артполка 12-й армии, охранявшая гор. Станислав от воздушных налетов противника, не имела 37-мм снарядов»¹³.

Согласно спецсообщению 3-го Управления НКО № 35303 от 26 июня, «по сообщению НКГБ УССР за первые 3 дня войны при 7 налетах на Киев зенитной артиллерией и авиацией в Киеве приземлен 1 самолет.

3-я дивизия ПВО к обороне не подготовлена. Полученные новые 85-мм зенитные пушки дивизией не освоены. Личный состав дивизии обучен на пушках 76-мм, которые с вооружения сняты, снарядов 85-мм недостаточно.

36-я авиадивизия вместо 240 самолетов имеет 90, из них только 8 самолетов обеспечены рациями. Патрулирование над городом не организовано.

¹¹ Там же. Д. 100. Л. 96–98.

¹² Там же. Д. 99. Л. 205–206.

¹³ Там же. Д. 98. Л. 250–251.

Противник после разведки и бомбежки уходит безнаказанно, что отрицательно отражается на настроении населения.

Бомбежка ведется только по жизненным объектам.

25 июня противник шел крупными группами на малой высоте. Несмотря на интенсивный огонь зенитной артиллерии, разбомбил чугунолитейный завод «Большевик» и плавильную печь; на заводе № 43 разрушены электроцех, 4-й, 22-й и 25-й цеха и конструкторское бюро; на аэродроме гражданского флота уничтожено 6 самолетов гражданской авиации и 5 истребителей. Насчитывается около 50 человек убитых и 105 раненых.

Аэродромы окрестностей Киева забиты самолетами учебно-бомбардировочного типа и тяжелыми машинами, которые могут подвергнуться бомбардировке.

Требуется усиление обороны Киева 2 зенитными артполками, 18 пушками 37-мм, 81 пулеметом крупного калибра, одной авиадивизией и соответствующим количеством снарядов и патронов»¹⁴.

Но больше всего проблем возникло со снабжением ВВС и ПВО Юго-Западного фронта снарядами и патронами. 24 июня 1941 г. заместитель начальника 3-го отдела КОВО сообщал: «Зенитные части обороны не имеют снарядов, в результате авиация противника ежедневно бомбит Луцк, Stanisлав. 40 000 снарядов находится на складе Нежин, около Киева. Командование приняло решение перебросить их вагонами, это займет 3 дня. Снаряды необходимо перебросить немедленно с самолетами, повторяю, немедленно самолетами»¹⁵. Оказалось, что 5-я бригада ПВО в Тарнополе, 186-й, 139-й, 563-й и 259-й отдельные зенитные артдивизионы Юго-Западного фронта, вооруженные «37-мм и 85-мм пушками, не имеют к ним выстрелов» и «необходима срочная отправка артвыстрелов на головные склады из центральных складов ГАУ»¹⁶. Даже 2 июля 1941 г. было «не налажено снабжение авиачастей КОВО вооружением и боеприпасами. Патронов БС в частях нет. 36-ю авиадивизию сильно лимитируют снаряды РС. В дивизию доставлены снаряды, система подвесков которых не подходит, переделать нельзя, а нужных нет. Аргуправление КОВО обещает дать 300 шт. из Винницы, но оно не уверено в том, что снаряды будут пригодны»¹⁷.

Кроме того, оказалось, что слабо отработано взаимодействие родов авиации и авиачастей разного подчинения. Результатом стали боевые столкновения между советскими самолетами. Так, 26 июня «начальник 3-го отдела Одесской военно-морской базы тов. Морозов сообщил, что 25 июня в 9 час. 25 мин. звено самолетов «СБ» 70-й авиаэскадрильи под командой командира эскадрильи майора Краснодарского, получив разрешение ПВО гор. Могилева о вылете, поднялось в воздух со своего аэродрома на выполнение боевого задания.

После первого разворота звено было обстреляно батальоном зенитной артиллерии, а затем атаковано истребителями ВВС ОдВО. В результате обстрела и атаки самолеты 1 и 2, пилотируемые летчиками Крамцовым и Земцовым, имея пробоины, сели на своем аэродроме.

Самолет № 4, пилотируемый командиром звена Ануфриевым, загорелся в воздухе. При посадке взорвались бомбы. Экипаж погиб.

В 9 час. 42 мин. при возвращении из разведки 2 самолетов «СБ-Р2» 82-й эскадрильи были атакованы истребителями ВВС ОдВО. Один из самолетов истребители заставили сесть в море»¹⁸.

Схожая ситуация имела место и на Западном фронте. Как отмечалось в спецсообщении 3-го Управления НКО № 35753 от 27 июня, «из-за плохой организации связи тыла с передо-

¹⁴ Там же. Л. 234–235.

¹⁵ Там же. Л. 125.

¹⁶ Там же. Л. 237.

¹⁷ Там же. Д. 99. Л. 159.

¹⁸ Там же. Д. 98. Л. 236.

выми линиями фронта, бомбардировочная авиация при возвращении с выполнения боевых заданий по бомбежке объектов противника, продолжает подвергаться нападению наших истребителей.

26 июня самолеты 96-го авиаполка Западного фронта, вылетевшие на боевое задание по уничтожению мотомеханизированных колонн и танков противника на минском направлении, в районе Меркулевичи были атакованы звеном наших истребителей «И-16», в результате чего самолет лейтенанта Донского был сбит, а ответным огнем бомбардировщиков сбит один самолет «И-16».

Этого же числа были атакованы нашими истребителями бомбардировочные самолеты 98-го авиаполка 52-й авиадивизии, возвращающиеся с бомбежки наземных войск противника. При атаке сбит самолет лейтенанта Гришина, в районе Могилева подбит и посажен самолет заместитель] командира 52-й авиадивизии майора Картакова.

Атаки своих истребителей вызывают панику среди летного состава бомбардировочной авиации»¹⁹.

К сожалению, не был исключением и Юго-Западный фронт. Согласно спецсообщению 3-го Управления НКО № 36253 от 2 июля, «в частях 36-й авиадивизии Юго-Западного фронта продолжают случаи обстрела своих самолетов, приводящие к потере материальной части и гибели летного состава.

26 июня за время с 15.00 до 17.00 были атакованы своими истребителями несколько групп самолетов «ДБ-Зф». В результате атак один самолет сбит и 6 самолетов посажены на разные аэродромы в районе Киева.

Неумением различить свои самолеты от самолетов противника и допущением указанных безобразных случаев особенно отличается 2-й авиаполк 36-й авиадивизии.

Младший летчик – лейтенант Зайцев атаковал самолет «СБ» 52-го СБАП. Летнаб легко ранен, самолет требует ремонта.

Командир эскадрильи этого же полка Солдатов со своими летчиками дважды обстреливал свои самолеты «СУ-2» и «Дуглас». Солдатов, прилетев на аэродром, доложил, что ясно видел кресты и свастику.

Летчик этого полка Барднер сбил самолет «ДБ-Зф». Самолет сгорел. Экипаж случайно остался жив.

Летчики 2-го авиаполка атаковали самолеты «ДБ-Зф», которые уже выпустили шасси. В результате один стрелок-радист убит, а на втором самолете стрелок-радист ранен.

26 июня в 10 часов самолетом «И-16» был атакован самолет «ДБ-Зф» 22-й авиадивизии, возвращавшийся после выполнения боевого задания. В результате летчик самолета «ДБ-Зф» легко ранен в руку, радист тяжело ранен, самолет сгорел.

Звено самолетов «ДБ-Зф», летя на боевое задание, в районе Сарны потеряло ориентировку. После разворота курсом на 90 градусов с выходом на Днепр для восстановления ориентира, звено было атаковано своими самолетами «И-16». Один из атакуемых самолетов «ДБ-Зф» был с бомбами, остальные два сбросили бомбы в неизвестном районе на своей территории.

Все три самолета «ДБ-Зф» повреждены, убит стрелок-радист младший сержант Гоберман»²⁰.

Подобные случаи имели место и в последующем. Так, например, согласно спецсообщению Особого отдела НКВД № 39778 от 4 августа, на Северо-Западном фронте «13 июля с.г. группа самолетов «ДБ-Зф» 53-го авиаполка 40-й авиадивизии 1-го авиакорпуса на маршруте полета на боевое задание в 19 ч. 32 м. в районе д. Никитинки Калининской области было 4 раза атаковано звеном истребителей «МИГ-3» 27-го ИАП.

¹⁹ Там же. Л. 270.

²⁰ Там же. Д.99. Л.158–159.

В результате атак самолет «ДБ-Зф» пилотируемый лейтенантом Князевым был подбит, упал на землю и от взрыва загорелся. Командир экипажа лейтенант Князев сгорел, остальной экипаж спасся, получив легкие ранения.

Второй самолет «ДБ-Зф», получив пробоины бензобака и левой плоскости, вернулся на свой аэродром Будово. Стрелок-радист этого самолета младший воентехник Гаврин получил ранение в плечо.

Непосредственный виновник этого происшествия командир звена истребителей 27-го авиаполка младший лейтенант Карачевич, который ясно видел опознавательные знаки (звезду), все же атаковал самолеты «ДБ-Зф», открыв по ним стрельбу из пулеметов.

Свои действия Карачевич объяснил тем, что самолеты «ДБ-Зф» не отвечали на его сигналы покачиванием крыла, и он усомнился в принадлежности их к своим самолетам.

Материалы расследования переданы военному прокурору 24-й авиадивизии для передачи суду Карачевича.

Этого же числа в 18 ч. 45 м. в районе дер. Дохославль, Калининской области, 5 самолетами «И-16» 29-го ИАП был атакован над своим аэродромом самолет «ДБ-Зф» 200-го авиаполка 40-й авиадивизии, возвращавшийся с боевого задания. Группой истребителей руководил командир 29-го авиаполка капитан Лешко.

При развороте самолета «ДБ-Зф» на посадку летчик истребителя Попов зашел ему в хвост и дал из пулемета две очереди, но, заметив опознавательные знаки, обстрел прекратил и пошел на снижение.

После этого капитан Лешко сам атаковал самолет «ДБ-Зф», открыв по нему огонь. Самолет ДБ-Зф выпустил шасси, пытаясь сесть на аэродром, но, не рассчитав посадку, ушел на второй круг.

Капитан Лешко вторично зашел в хвост самолету «ДБ-Зф» и, несмотря на сигналы ракетами, дал по нему еще три пулеметные очереди, после чего самолет «ДБ-Зф» загорелся. Из горящего самолета выбросились на парашютах стрелок-радист Петрачков и воздушный стрелок Полянцев. Капитан Лешко дал по ним очередь из пулемета, ранив их.

Самолет «ДБ-Зф» вместе с летчиком – старшим лейтенантом Новиковым и штурманом лейтенантом Быковым сгорел.

Материал расследования передан военному прокурору 31-й И АД для привлечения Лешко к уголовной ответственности»²¹.

* * *

Нападение противника застало войска **Северо-Западного фронта** неготовыми к каким-либо немедленным военным действиям. Как указывалось в спецсообщении 3-го Управления НКО № 4/37155 от 8 июля 1941 г., «в дополнение к № 36833 от 7.07.41 г. сообщаем, что произведенным 3 отделом Северо-Западного фронта расследованием, факт отдачи приказа членом Военного Совета ПриОВО Диброва в отношении разминирования минных полей и сдачи выданных личному составу патронов в частях 11 ск и 125 сд перед началом военных действий, подтверждается.

Расследованием установлено:

После получения Разведотделом данных о начавшейся концентрации немецких войск на наших границах, части корпуса начали минировать поля, раздавать боеприпасы личному составу, одновременно началась подготовка эвакуации семей начсостава.

21 июня с.г. к месту сосредоточения 11 [-го] стрелкового] корпуса приехал член Военного Совета ПриОВО корпусной комиссар Диброва и приказал немедленно отобрать у бой-

²¹ Там же. Д. 100. Л. 326–328.

цов патроны и разминировать поля, объясняя это возможной провокацией со стороны наших частей.

Начальник ОПП 125-й стрелковой дивизии Левченко дал объяснение Диброва о причинах эвакуации семей комначсостава, ссылаясь при этом на данные разведотдела о начавшейся концентрации войск противника на границах.

На объяснение Левченко Диброва заявил: „Хотя Германия и фашистская страна, но момент, когда они могут начать войну с СССР, еще не назрел, что у нас от страха расширяются глаза“.

После этого Диброва вторично приказал прекратить панику, отобрать у бойцов выданные патроны, разминировать поля, прекратить подготовку к эвакуации семей начсостава.

В этот же день 21 июня член Военного Совета 8-й армии дивизионный комиссар Шабалов телеграммой подтвердил приказание Диброва о прекращении подготовки к эвакуации. В результате этого в момент наступления противника семьи начсостава пришлось вывозить во время боя, при этом значительная часть семей погибла; личный состав дивизии был без боеприпасов и выдача их проводилась под артиллерийским огнем противника».

Правда, сам П.А. Диброва объяснял свои распоряжения тем, что «минированных полей не было, из-за отсутствия мин. Речь шла о подготовке к минированию полей (ямки), ссылаясь на указание командующего. Патроны дал указание отобрать и сдать на взводные пункты или отделений». Эвакуация же семей комначсостава была запрещена наркомом обороны²².

22 июня 3-й отдел штаба Северо-Западного фронта сообщил, что «по непроверенным данным в тылу 128-й стрелковой дивизии имеются случаи кулацких выступлений местного характера. В 29-м национальном корпусе отмечены случаи боевого саботажа быв-[ших] офицеров Литовской армии. 3-м Управлением НКО СССР даны указания об их аресте»²³.

В столь же сложном положении оказалась и соседняя 48-я стрелковая дивизия. Как показало расследование причин ее разгрома, сообщенное в спецсообщении 3-го Управления НКО № 38186 от 18 июля, «командование дивизии, получив задачу сосредоточить свои войска на границе, вывело части дивизии почти неподготовленными для ведения боя с противником. Необходимый запас патронов и снарядов взят не был. Дивизия вышла к границе как на очередные учения, забрав с собой учебные пособия.

Кроме этого, к началу боевых действий дивизия не была отоброширована даже по штатам мирного времени. Имелся большой некомплект командного и рядового состава и материальной части.

В таком состоянии дивизия к 22 июня сосредоточилась в 2 местах: стрелковые полки на немецкой границе, влево от г. Таураге, артполки и спецчасти за гор. Россиены [Расейняй], ввиду чего взаимодействие артиллерии с пехотой было невозможным.

Командование дивизии, находясь непосредственно на поле боя, 23 июня во время атаки немцев погибло. Были убиты: командир дивизии генерал-майор Богданов, полковой комиссар Фоминов, начальник штаба Бродников и ряд других командиров.

После того, как противник вывел из строя связь, дивизия совершенно потеряла руководство и стала отходить. Стрелковые полки, не имея между собой связи, дрались самостоятельно, пробиваясь из окружения.

Вместе с частями дивизии беспорядочно отступали строительные батальоны и отдельные группы бойцов 125-й стрелковой дивизии. Это вносило панику и дезорганизацию.

25 июня дивизия сосредоточилась в районе гор. Шауляй, где командование дивизией принял на себя заместитель] командира дивизии по строевой части полковник Мельников.

²² Там же. Д. 101. Л. 328–329; Д. 105. Л. 55–56.

²³ Там же. Д. 98. Л. 174.

От гор. Шауляй к берегу Чудского озера отход частей 48-й стрелковой дивизии проходил исключительно неорганизованно. Командный пункт дивизии находился в отрыве от полков на расстоянии 50–80 км, никакой связи с полками не было. Пункты сбора и маршруты штаб дивизии с 25 июня по 4 июля не указывал, отдельные части совершали беспорядочные марши и блуждали»²⁴.

В ходе боев 22 июня 1941 г. противнику удалось не только оттеснить передовые части Северо-Западного фронта Красной армии от границы, но и разрезать советский фронт на стыке 8-й и 11-й армий. Именно в эту брешь командование группы армий «Север» ввело части 4-й танковой группы, устремившиеся на Даугавпилс. Советское командование на несколько дней потеряло это направление из виду и появление немецких танков у города 26 июня оказалось совершенно неожиданным. К тому же, как сообщал 27 июня начальник 2-го отдела 3-го Управления НКО бригадный комиссар Авсеевич, «гарнизон г. Двинска [Даугавпилса] не обеспечен средствами обороны и на случай выброски десанта противником, отразить его нападение не сможет, так как в гарнизоне имеется только 150 винтовок, которыми вооружены курсанты ШМАС. Летно-технический состав вооружен пистолетами „ТТ“ и на весь состав имеется 50 гранат. Не обеспеченность гарнизона средствами обороны порождает паническое настроение у личного состава»²⁵.

Как указывалось в спецсообщении 3-го Управления НКО № 35134 от 25 июня, «по сообщению 3[-го] отдела Северо-Западного фронта 24 июня 1941 г. противник продвинулся на Каунасском направлении на 80 км, направляя удар на северо-восток, и на Шауляйском направлении продвинулся на 60–70 км. Создается серьезное положение для 11-й армии и левого фланга 8-й армии.

Управление войсками от штаба фронта и ниже – плохое. Штаб фронта часто теряет связь с армиями. Радиостанции используются плохо.

В ночь на 24 июня с.г. противник занял Каунас. [...]

Материальная часть артиллерии фронта выбыла в значительном количестве. Большая часть оставлена при отходе, например: 414-й гаубичный артполк 125-й стрелковой дивизии вывел из боя 2–3 орудия по причине убыли конского состава.

Снабжение боевыми припасами, особенно снарядами – плохое. Совершенно отсутствуют снаряды 85-мм, 37-мм, 107-мм, на исходе расход 122-мм и 155-мм.

Контрудар 12-го мехкорпуса 23 июня с.г. по существу сорван из-за отсутствия связи и контроля со стороны штаба фронта. После отдачи вечером 22 июня приказа на контрудар, штаб фронта в течение суток совершенно не имел связи с корпусом, не знал о подготовке к контрудару, самый ход контрудара, в результате корпус запоздал с атакой на 6 часов, удар наносил разрозненно и в целом – никакого результата от удара.

Части несут большие потери людьми и материальной частью, а пополнения их нет.

По предварительным данным 2-я танковая дивизия, действуя в направлении Россиена [Расейняй], подбила 40 танков и 18 орудий противника.

3-м отделом фронта для оказания помощи и улучшения связи, высланы в армию на длительный период из аппарата 3-го отдела фронта 35 оперативных работников.

Совместно с командованием организованы отряды заграждения для задержания самовольно оставляющих боевые позиции и для сбора блуждающих.

Организована борьба с проявлениями местного бандитизма»²⁶.

25 июня 3-е Управление НКО докладывало, что «3[-й] отдел штаба Северо-Западного фронта сообщил, что вследствие бомбардировок противником связь с войсками часто пре-

²⁴ Там же. Д. 99. Л. 370–371.

²⁵ Там же. Д. 98. Л. 133–134.

²⁶ Там же. Л. 163–164.

кращается. Восстановительные работы линии связи проводятся Наркоматом Связи очень медленно, войсковые же части в восстановлении постоянных линий не участвуют.

Охрана аэродромов, складов и войск от воздушного нападения противника организована слабо из-за недостатка зенитных средств, вследствие чего противник часто бомбит безнаказанно.

Медленно развертываются тыловые органы для обеспечения действующих войск, войсковые соединения несут потери, пополнения же не поступают.

Печатной пропаганды среди немецких солдат и немецкого населения фронтом не ведется»²⁷.

В 6.45 26 июня из Резекне в Москву поступило сообщение заместителя начальника 3-го отдела Северо-Западного фронта Асмолова, который информировал, что «положение в Прибалтике нашей армии требует немедленного вмешательства Главного командования и Центрального Комитета партии. Руководство фронта потеряло всякую связь с армией. Армия неуправляема, стихийно отходит, беспорядки.

Для выправления положения необходимо немедленно выделить авиасоединение для подкрепления, иначе грозит потерей основных сил»²⁸.

27 июня 3-е Управление НКО сообщало, что «положение на Северо-Западном фронте с начал военных операций и по настоящее время является исключительно тяжелым. Штаб фронта с 23 июня потерял связь со многими соединениями и частями, с 11-й армией в целом, по существу прекратил руководство ими, так как все попытки установить связь успеха не имели.

Основной причиной отсутствия связи является уничтожение ее авиацией противника, а также действием разрозненных диверсионно-повстанческих групп из числа лиц местных граждан, сочувствующих германскому национал-социализму.

По отдельным частям связь не была обеспечена вследствие недостатка телефонного кабеля, что привело в результате к отсутствию взаимодействия между родами войск (пехоты и артиллерии).

Как нами уже указывалось, авиация Северо-Западного фронта в первый день войны понесла большие потери боевых самолетов, уничтоженных противником на земле (из имеющихся 880 самолетов на земле было уничтожено 400).

В последующие дни – с 23 по 26 июня авиация противника, получив абсолютное превосходство в воздухе, безнаказанно бомбила наши войска, как на передовой линии фронта, так и в тылу, при этом значительно сказалось также отсутствие достаточных средств противовоздушной обороны.

Несмотря на героические усилия наших войск, в первый же день войны германская авиация, получив превосходство в воздухе, наносила значительные потери нашим войскам, которые пополнения не получали.

Полученное германскими силами превосходство в воздухе, применение значительных бронетанковых сил, действовавших во взаимодействии с авиацией, привело к перевесу сил противника над нашими войсками, в результате начался отход наших частей от занимаемых рубежей, который при отсутствии руководства с конца 23 июня стал принимать панический характер. Бесперывные безнаказанные налеты авиации усложняли обстановку. Особенно сильной паничности подверглись понесшие большие потери части 11-й армии, в отношении которой штаб Северо-Западного фронта с 23 по 26 июня никаких сведений не имел.

Отдельные соединения 11-й армии, будучи окружены противником, были уничтожены почти полностью (5-я, 128-я стрелковые дивизии, 324-й отдельный зенитный артдивизион).

²⁷ Там же. Л. 165.

²⁸ Там же. Л. 2–3.

Потери также понес 12-й мехкорпус, который находится в окружении противника.

Паническое отступление приобрело особенно острый характер от распространяемых всевозможных провокационных слухов о действиях в тылу дивизий воздушных немецких десантов и диверсионных групп, которых во многих случаях фактически не было.

Штаб фронта, получая неправильные данные о воздушных десантах от разных случайных лиц, снаряжал оперативные группы для уничтожения десантов и при выезде на место зачастую сведения о десантах не подтверждались. Вообще до сегодняшнего дня нет подтверждения о высадившихся десантах и, по-моему, их и не было.

По пути отхода частей имели место случаи нападения из лесу отдельных бандгрупп и одиночек, что среди личного состава отходящих частей вызвало большую нервность и усиливало паничность.

В связи с создавшейся тяжелой обстановкой на фронте – панического отхода наших частей 11-й армии, со стороны командования фронта и Политуправления принимались необходимые меры, путем послыки непосредственно в части отдельных руководящих лиц, но все это положения не выправило и обстановка на фронте к настоящему времени несколько не изменилась»²⁹.

28 июня начальник 3-го отдела Северо-Западного фронта дивизионный комиссар Бабич направил в Москву докладную записку № 03, в которой сообщал, что «части Северо-Западного фронта под натиском противника продолжают отход. 26 июня части 8-й армии с боем, организованно продолжали отход на новый оборонительный рубеж. 10-й стрелковый корпус отошел за р. В[е]нта, 11-й стрелковый корпус – за Шаули [Шауляй]. Сведений о положении 12-го мехкорпуса и о его местонахождении не имелось, на радиовывозы штаб корпуса не отвечал.

В частях продолжает оставаться неблагоприятное положение с боеприпасами. По данным артотдела 8-й армии в частях может находиться не более 1/4 бк всех выстрелов.

Боеприпасы со склада Линконган, откуда питались 11-й стрелковый корпус и частично 10-й стрелковый корпус, в течение 25 и 26 июня частью вывезены, а остаток, примерно 70 – 100 вагонов, подорваны.

По заявлению представителя Артуправления фронта, находившегося на командном пункте 8-й армии, 26 июня с.г. части армии должны снабжаться боеприпасами со складов гор. Риги. Отправление боеприпасов эшелонами из г. Риги по железной дороге считается рискованным, так как не исключена возможность бомбардировки его самолетами противника.

Такие рассуждения Артуправления губительно сказываются на ходе боевых действий, тем более что доставлять боеприпасы автотранспортом нет возможности, ввиду отсутствия его в частях и при штабе армии.

Через Военный Совет фронта нами принимаются меры к доставке боеприпасов в части различными путями.

Части фронта в результате непрерывных боев с противником потеряли большое количество материальной части. Так, например, в 125-й стрелковой дивизии по состоянию на 26 июня имеется 3 ПТО, 2 76-мм орудия, в 414-м легком артполку имеется 2 орудия, в 459-м гаубичном артполку – 18 орудий.

Командование фронта, армий, корпусов и дивизий не могут проводить свои мероприятия организованно, в результате чего появляются панические настроения и отпадает всякая возможность твердо осуществлять намеченные мероприятия. Так, например, 22 июня с.г. по просьбе командира 10-й стрелковой дивизии генерал-майора Фадеева командир 10-го стрелкового корпуса генерал-майором Николаевым было обещано дать 2 танковых батальона 23-й танковой дивизии.

²⁹ Там же. Л.283–289.

22 июня генерал-майор Николаев дал устное распоряжение командиру 23-й танковой дивизии полковнику Орленок предоставить 2 танковых батальона из своей дивизии в распоряжение командира 10-й стрелковой дивизии для поддержания пехоты при наступлении для нанесения контрудара противнику с его последующим уничтожением и занятием прежнего положения на госгранице.

23 июня командиром 10-го стрелкового корпуса было дано боевое распоряжение командиру 10-й стрелковой дивизии о том, чтобы во взаимодействии частей 10-й стрелковой дивизии с 2 танковыми батальонами 23-й танковой дивизии уничтожила бы наступающие части противника, восстановила бы ранее занимаемое положение с последующим нанесением контрудара противнику. На основании боевого распоряжения командира 10-го стрелкового корпуса командованием дивизии было выработано боевое распоряжение частям о переходе в наступление при поддержке 2 танковых батальонов 23-й танковой дивизии.

Командир 23-й танковой дивизии полковник Орленок командиру 10-й стрелковой дивизии заявил, что он предоставит в распоряжение дивизии 2 танковых батальона к 5–6 часам утра 23 июня. В связи с этим все части были предупреждены о том, что наше наступление будет поддерживаться 2 танковыми батальонами, что воодушевило весь личный состав частей, с желанием уничтожить противника.

Наступление намечалось 23 июня в 6 часов утра. Командир 23-й танковой дивизии полковник Орленок не только не прислал эти 2 батальона к 6 часам утра 23 июня, но даже не счел нужным поставить своевременно в известность командира дивизии. Наступление было отложено до прихода батальонов. 23 июня полковник Орленок приехал на командный пункт 10-й стрелковой дивизии в 23 часа 30 минут и заявил, что командующий 8-й армии не разрешил ему дать 2 батальона танков для 10-й стрелковой дивизии и приказал ему выполнять первое свое приказание и что он в связи с этим не может дать этих батальонов. На самом деле эти 2 танковых батальона были присланы в распоряжение 10-й стрелковой дивизии и находились в районе Плунге и в течение полутора суток бездействовали. Но о наличии этих батальонов в районе г. Плунге командованию 10-й стрелковой дивизии известно не было. В результате чего наступление частей дивизии было сорвано, а танки в течение полутора суток находились в районе г. Плунге и бездействовали. Кроме того, 24 июня части дивизии отступали в направлении гор. Тялыная [Тельняй]. Красноармейцами, находившимися на охране командного пункта дивизии, было сообщено о наличии танков, идущих в направлении Тялыная.

Командование дивизии, зная, что дивизии никаких танков не придавалось, а танки 23-й танковой дивизии были приняты за танки противника, в результате чего создалось тревожное положение, что противник перерезал дивизии путь на Тялынай [Тельняй] и дивизия находится в окружении. На самом деле никаких танков противника не было, и это были 2 танковых батальона 23-й танковой дивизии. Наступление 23 июня для дивизии было самым удобным моментом, противник всего имел 2 пехотные дивизии и 2 дивизиона артиллерии и уже вечером 23 июня, по показаниям пленных, противник в нашем направлении подтянул еще 2 пехотные дивизии и несколько артполков и повел активное наступление.

Кем конкретно давалось приказание этим батальонам идти в распоряжение 10-й, стрелковой дивизии не установлено. Действия командира 23-й танковой дивизии, повлекшие за собой создание исключительно тяжелого положения для дивизии, являются преступно-халатными.

По данному вопросу проводится расследование, результаты сообщим дополнительно.

Командующий 8-й армии в связи с отходом частей и создавшимся критическим положением на участке 12-го мехкорпуса к исходу дня 25 июня (окружен противником) во избежание быть отрезанным в 1.00 26 июня приняло решение о перемене командного пункта. Организация эвакуации на новый командный пункт была проведена исключительно безобразно. Штаб

представлял из себя не организованную единицу, отходящую на новый командный пункт, а панически бегущую часть.

Приказание от эвакуации командного пункта было отдано в 1.00 26 июня с расчетом отъезда через 40 минут. Выделенные ответственными за эвакуацию подполковник Мамченко и военинженер 3 ранга Шишкин эту работу как следует не организовали, а превратили ее в панику. Машины для отделов под погрузку имущества и вещей организованы не были. Отделы самостоятельно захватывали машины и грузили свои вещи. Вся работа по эвакуации проходила в суете и беготне, в результате чего штаб вместо назначенного времени 1.40, выехал в 4.20. На месте старого командного пункта брошены: карта с обстановкой, инвентарь, легковая автомашинка иностранной марки.

О месте нахождения нового командного пункта знал исключительно ограниченный круг лиц, которые выехали в эшелоне с командованием. Оставшиеся 2 эшелона место нахождения командного пункта не знали, в связи с чем долгое время путались по дорогам в его поисках. Основной состав штаба прибыл на командный пункт только в 13.00 26 июня, пробыв, таким образом, в пути 9 часов.

В результате такой неорганизованности и эшелонирование штаба в дневное время, эшелоны в пути следования подвергались бомбежке и пулеметному обстрелу с самолетов. Имеются потери среди красноармейского состава батальона охраны: убито 1, ранено 3 человека. Характерно отметить, что вся эта паническая эвакуация командного пункта происходила в то время, когда командный пункт находился в 30 км от линии фронта.

Быстрое продвижение мотомехчастей противника 26 июня с.г. создало угрозу г. Двинску [Даугавпилсу]. Для недопущения противника в гор. Двинск и на правый берег реки Двины, было принято решение взорвать два моста через р. Двину, однако в результате неорганизованности командования мосты не были взорваны, и противник, перейдя реку, 27 июня занял гор. Двинск. Через некоторое время наши части выбили противника из гор. Двинска. Под нажимом его наши части были вынуждены вновь оставить гор. Двинск, однако нахождение в городе использовано не было и мосты не взорвали, что дало возможность противнику выйти на правый берег реки.

Паникой перед противником заражены не только бойцы, но и большое количество командного состава. Так, например: пом[ощник] командира 459-го ГАП 125-й стрелковой дивизии майор Кондратюк Григорий Сергеевич, 1900 года рождения, член ВКП(б), в момент открытого немецкими войсками артиллерийского огня в 5 час. 30 мин. 22 июня самовольно уехал с огневых позиций. В 8.30 22 июня командиром ГАП на имя Кондратюка был отдан приказ об отходе 3-го дивизиона, но так как Кондратюка в расположении дивизиона не оказалось, приказ выполнен не был и дивизион успел вывести на новые огневые позиции только 8 орудий, оставив на месте много снарядов и продовольствия. Вернулся в часть 23 июня.

Материал о бегстве Кондратюка оформляется на арест и предание его суду Военного трибунала.

Командир 206-го автобата 125-й стрелковой дивизии капитана Старовойтов, член ВКП(б), с первого дня боя находится в тылу. Старовойтов во время бомбардировки гор. Таураге не обеспечил вывозку бензина и автомашин, а больше всего заботился о себе лично.

Начальник снабжения 125-й стрелковой дивизии майор Корнилков с начала военных действий на фронте не был. По заявлению капитана Сизова Корнилков отправлял семью и до сего момента в штаб не явился.

25 июня с переездом штаба Северо-Западного фронта с Поневежис на командном пункте по приказу командующего была оставлена опергруппа штаба во главе с заместителем начальника штаба по оперработе генерал-майором Трухиным.

Для охраны командного пункта в Поневежис в распоряжении генерал-майора Трухина были оставлены ПТО в составе 12 орудий, ПВО в составе 9 зенитных крупнокалиберных пулеметов и рота десантного батальона.

25 июня Трухин с командного пункта выехал, при чем подразделениям, охранявшим командный пункт, четких указаний им дано не было и отправка их к новому месту командного пункта организована не была, в результате Трухин, уехав на легковой машине, по существу бросил на произвол судьбы подразделения, которые растерялись в дороге и к новому месту командного пункта не прибыли.

Орудия ПТО, вследствие отсутствия для них тяги, были погружены на грузовые машины, которым Трухин дал приказание следовать за ним, но так как грузовые машины не могли успевать за легковой машиной, машины с орудиями по разным причинам отстали в дороге, и Трухин это оставил без внимания.

Трухин был вновь возвращен в часть для установления связи с ними. По полученным данным, он наткнулся на немцев и был убит»³⁰. Однако, как позднее выяснилось, Трухин был ранен и попал в плен, где стал сотрудничать с немцами.

Согласно спецсообщения 3-го Управления НКО № 4/35820 от 29 июня, «3-й отдел Северо-Западного фронта сообщает: созданными заградительными отрядами по борьбе с бандизмом, шпионажем и диверсией, а также по возвращению бежавших или потерявшихся на фронте свои части, проделано следующее: в районе гор. Крупишкис (Литовская ССР) частично ликвидирована кулацко-повстанческая банда, появившаяся 21 июня в составе до 100 человек. Арестовано 43 человека, в том числе 9 бойцов и 2 командира 29-го стрелкового корпуса, остальные из гражданского населения.

Военным Трибуналом дело было рассмотрено в ускоренном порядке, 27 человек приговорены к расстрелу, остальные 16 человек направлены в гор. Полоцк в центральную тюрьму.

Захвачены 3 человека парашютистов, сброшенных с германского бомбардировщика в районе г. Двинска. При захвате офицер Гельм оказал вооруженное сопротивление и убил одного активиста г. Двинска. На допросе Гельм заявил, что он, как немецкий националист и враг коммунизма, никаких показаний давать не будет.

Военным трибуналом Гельм приговорен к расстрелу»³¹.

Как указывалось в спецсообщении 3-го Управления НКО № 4/36833 от 7 июля, «3-й отдел Северо-Западного фронта 3 июля с.г. сообщил следующие данные о положении в частях фронта:

В состав 27-й армии вошло 4 корпуса, личный состав последних колеблется от тысячи до полутора тысяч человек.

Входящие в состав 27-й армии соединения и части небоеспособны, так как потеряли материальную часть и людской состав.

О том, сколько убито, ранено, пропало без вести и разбежалось, ни одна часть не может дать точных данных.

Командование 27-й армии связь с корпусами только налаживает, обстановки на участке армии, наличие противника, его направление и приблизительный замысел не знает.

Борьба с танковыми и моточастями противника, а также с его авиацией, частями 27-й армии не ведется, вследствие полного отсутствия материальной части. На отдельных участках противника отбивают ружейным и пулеметным огнем.

Противник чувствует полную безнаказанность с нашей стороны, спускается над линией фронта и бреющим полетом обстреливает наши части, а также жителей в городах.

³⁰ Там же. Д. 103. Л. 80–87.

³¹ Там же. Д. 98. Л. 290–291.

Отсутствие поддержки пехоты танками, авиацией и артиллерией вызывает недоумение у высшего командного состава армий и отрицательные настроения у ряда неустойчивых командиров и бойцов.

Некоторые командиры оценивают создавшееся положение как предательство со стороны высшего командования, которое еще не раскрыто, и считают, что наша тактика – это тактика на подставку сначала пехоты, а потом танковых частей, не поддерживаемых пехотой и авиацией. Антисоветские элементы подогревают эти настроения и создают панику среди личного состава частей армии.

25 июня во время передвижения из г. Таллин в г. Шавли [Шауляй] для руководства боевыми действиями 11-й стрелковой дивизии и 180-й территориальной стрелковой дивизии части и командование 65-го стрелкового корпуса встретились на шоссе в 18 км от г. Митава [Елгава] с группой красноармейцев и командиров 11-й и 90-й стрелковых дивизий, беспорядочно отступавших с передовых позиций. Вместо принятия мер к задержанию потока отступающих войск и организации обороны командование 65-го стрелкового корпуса бросилось в бегство, внося еще больше неорганизованности в отступление.

Связь с 11-й стрелковой дивизией и 180-й стрелковой дивизией штаб 65-го стрелкового корпуса не установил.

29 июня с.г. после обстрела колонны 65-го стрелкового корпуса бандитами паника увеличилась еще больше. В результате колонна 65-го стрелкового корпуса разбилась на две группы. Одна из них (штаб, часть 3-го отдела и комендантский взвод) двинулась по направлению к местечку Ваймут, и где находится в настоящее время, неизвестно. Вторая группа (123-й ОБС, часть саперного батальона и оперсостав 3-го отдела) двинулась по направлению г. Риги и через некоторое время присоединилась к 8-й армии.

Части 65-го стрелкового корпуса боя с противником не приняли в силу нераспорядительности и паники, созданной самим командованием корпуса, и рассеялись в разных направлениях; где находятся в настоящее время, неизвестно.

Часть 10-й стрелковой дивизии 28 июня начали отход в направлении г. Риги. По пути от Митавы [Елгавы] до Риги были отрезаны противником: 204-й, 48-й стрелковые полки, 30-й легкий артполк.

С утра 29 июня части 10-й стрелковой дивизии стали оборонять левый берег реки Западная Двина, отражая натиск противника.

Недостатком в боевых действиях частей 10-й стрелковой дивизии явилось отсутствие связи штаба дивизии со своими частями, действовавшими на правом и левом флангах. Стрельбу вели по карте без соответствующей корректировки, в результате меткость огня была низкая и часть снарядов попадала в расположение наших частей и их штабов.

Подходивший из г. Митава [Елгава] к г. Рига 30-й легкий артполк был принят за артиллерию противника, и по нему был открыт огонь. В свою очередь 30-й легкий артполк открыл огонь по г. Риге.

Несмотря на активную деятельность авиации противника, наша авиация в районе г. Риги 29 июня не появлялась.

Командование 8-й армии не осуществляет нужного руководства подчиненными соединениями, работает неуверенно, без достаточной решительности. В штабе армии и тыловых частях царит паника, вызванная необоснованными рассказами военнослужащих частей 48-й и 125-й стрелковых дивизий, отступающих с фронта, и систематическими налетами неприятельских самолетов на тыловые части армии. С самолетами противника никакой борьбы не ведется.

Вследствие отсутствия руководства части и подразделения отходят с передовых линий на новые рубежи обороны, кто куда вздумает.

11-й стрелковый корпус, отступая с упорными боями, отдал противнику 200 км в глубь фронта. Причинами неудач корпуса в боях являлись полная неподготовленность к боевым

действиям. За 10 часов до начала боевых действий по приказу члена Военного Совета ПрибОВО корпусного комиссара Диброва были собраны патроны и прекращена постановка мин на переднем крае обороны. Ранее установленные мины были вынуты.

Предвидя отступление, командиры частей и соединений не доводят до войск маршруты вероятного отхода, пункты перегруппировок и формирований, вследствие чего получается не отход, а паническое бегство.

55-й танковый полк в боевых действиях не участвовал, за исключением двух атак.

24 и 25 июня личный состав полка оставался без пищи, трое суток не спал. Все это вызвало массовые нездоровые разговоры. При отходе полка в тыл в пути следования оставлено 15 % машин.

Потери в личном составе и материальной части штабом полка не учитываются. Работники штаба полка бездействуют.

202-я мотодивизия при отходе 24 июня не имела поддержки ни слева, ни справа. Отходили неорганизованно, оставив много вооружения, боеприпасов, материальной части, продуктов питания и растеряв значительное количество личного состава.

В таком приблизительно положении оказались 28-й тяжелый артполк и разведывательный батальон 11-го стрелкового корпуса.

За последнее время вследствие работы заградительных отрядов дезертирство и беспорядочное бегство из частей армии прекратилось. Отступление проводится уже более организованно»³².

* * *

Обстановка, сложившаяся в начале войны на **Западном фронте**, также выявила целый ряд проблем.

Согласно донесению уполномоченного 3-го отдела 10-й смешанной авиадивизии Леонова от 27 июня, «в 12 часов ночи 22 июня 1941 г. со стороны Германии в районе Бреста (крепости и полигона) были даны германскими военными частями сигналы ракетами: красного, белого и зеленого цвета.

Начсостав и члены их семей в крепости считали, что происходит учение германских войск, никаких мер предосторожности командованием Брестского гарнизона предпринято не было.

Командиры и члены их семей думали, что это учение в германской армии проводится так же, как и в нашей армии, которое предполагалось якобы провести в 20-х числах сего месяца.

После сигналов на стороне противника в 1–2 часа ночи в городе Бресте была нарушена всякая связь, видимо, диверсантской группой. [...]

Беспорядков контрреволюционного характера и других проявлений со стороны военнослужащих и членов их семей не имеется.

15-летние девушки: дочь заместителя начальника 3-го отдела 4-й армии Хваленского и дочь военврача 2 ранга Орловцева убежали от своих семей в Кобринский госпиталь для оказания помощи раненым бойцам.

В госпиталях отсутствуют медикаменты, особенно бинт, работают местные врачи без надзора военных. Бойцы Брестского гарнизона, вышедшие по тревоге, имели запас патронов по 15 шт., израсходовав их, в район Жабинки отступали в беспорядке, так как отсутствовали боеприпасы.

Связь между железнодорожными станциями от Кобрина до ст. Микашевичи отсутствует.

³² Там же. Д. 101. Л. 330–333.

Поведение местного польского населения по отношению к Красной Армии и их семьям в большинстве враждебное. Так, в гор. Брест они оказывали вооруженное сопротивление, из окон стреляли или бросали камнями и палками.

Борьба с такими проявлениями не ведется, так как нет никаких указаний.

В районе гор. Городец, восточнее гор. Кобрин, местное польское кулачье с пулеметом произвело налет на вспомогательно-восстановительный поезд, который следовал из Пинска на восстановление пути от бомбардировки»³³.

26 июня начальник 3-го Управления НКО майор государственной безопасности А. Н. Михеев направил начальнику Главного управления политической пропаганды Красной армии армейскому комиссару 1-го ранга Л. З. Мехлису донесение: «По сообщению начальника 3[-го] отдела 6-й стрелковой дивизии тов. Маркеева, положение в районе Слуцк – Бобруйск катастрофическое.

Сегодня в 10.00 передовые отряды противника заняли город Слуцк. Противопоставить танкам и авиации нечего.

Ценности попадают в руки врагов.

Командование растерялось.

Просит принятия срочных мер. Считает, что для восстановления положения потребуется десятка 2–3 танков и авиации»³⁴.

29 июня 3-е Управление НКО подготовило спецсообщение № 35887, в котором указывалось, что «по сообщению начальника 3-го отдела Западного фронта майора государственной безопасности тов. Бегма, положение на Западном фронте продолжает оставаться по-прежнему.

Основная масса бойцов, командиров, в том числе и бежавших с фронта, выражает готовность драться с врагом, защищать родину.

Среди комсостава, главным образом подучетников, появились вопросы, где наша авиация, где противотанковые средства, почему фашисты могут нас расстреливать безнаказанно с воздуха.

То же настроение высказывают генерал-майор Ермаков, командиры 2-го стрелкового корпуса Перн, Волков и др.

Энергичными действиями в направлении Минск – Борисов корпусного комиссара Сусайкова, при участии работников 3-го отдела фронта основной поток бежавших с фронта военнослужащих приостановлен.

Формируются запасные части и направляются на фронт, но достаточной техникой эти части не обеспечены: отсутствует зенитная, противотанковая артиллерия, танки. Без оснащения этой техникой моральное состояние войск низкое.

Управление войсками из-за отсутствия эффективной связи до сих пор не налажено. Командиры частей самостоятельно принимают решения о вступлении в бой, навязывают его противнику, не зная при этом, кто находится у них на фланге.

С приостановлением движения противника паническое настроение упало, но оно может снова возникнуть при малейшем успехе врага.

Аппарат 3-го отдела Западного фронта направлен на восстановление порядка на фронте и укрепление морального состояния бойцов»³⁵.

Как указывалось в спецсообщении 3-го Управления НКО № 36026 от 30 июня о положении на Западном фронте, «при наступлении немецких войск группой диверсантов из числа местных жителей-поляков было совершено нападение на склад боеприпасов. Группа состояла

³³ Там же. Д. 98. Л. 243, 248–249.

³⁴ Там же. Л. 1.

³⁵ Там же. Д. 99. Л. 139–140.

из 6 человек, вооруженных гранатами и револьверами. Все участники группы задержаны и расстреляны»³⁶.

Согласно спецсообщению 3-го Управления НКО № 36701 от 5 июля, «3-й отдел Западного фронта сообщил ряд фактов, оказавших отрицательное влияние на ход боевых операций наших войск в первые дни войны на Западном фронте.

Военный Совет Западного Особого военного округа, командование армий и отдельных воинских соединений в подготовке частей к боевым действиям с противником проявили неорганизованность.

Части округа к началу военных действий не были полностью обеспечены материальной частью, вооружением, боеприпасами, питанием и другими видами снабжения.

21 июня командующий 3-й армии Кузнецов вместе с генерал-лейтенантом из Генерального штаба Красной Армии Карбышевым смотрели части, расположенные на границе. Заместитель командира артполка 56-й стрелковой дивизии майор Дюрба доложил, что происходит большая концентрация немецких войск на границе, что наши укрепленные точки боеприпасами не обеспечены и в случае нападения окажутся небоеспособными. На этот доклад Дюрба Кузнецов ответил: «Ничего страшного нет и не может быть». Никаких мер к обеспечению точек боеприпасами Кузнецов не принял.

После вторжения фашистских войск Дюрба среди комначсостава заявил: «Кузнецов и командование 3-й армии нас продали».

444-й тяжелый корпусной артполк, находившийся на границе, боеприпасов не имел, в то время как боеприпасов на складах Гродно и Лида было достаточно.

При отходе от границы полк оставил 3 152-мм пушки, 2 трактора и 2 автомашины.

Части 38-й танковой дивизии 23 июня вышли в направлении гор. Барановичи не обеспеченными материальной частью, боеприпасами и оружием, в частности мотострелковый полк вышел без артиллерии, которая была сдана в ремонт.

Корпусные части 2-го стрелкового корпуса перед вступлением в бой в ночь на 26 июня материальной частью были укомплектованы не полностью, в связи с чем в день вступления в бой в 151-м корпусном артполку могли быть использованы только 2 дивизиона.

127-й отдельный саперный батальон 4-го стрелкового корпуса к началу военных действий имел только 30 винтовок. Батальон потерял до 70 % личного состава. [...]

Воинские соединения 4-й армии на 26 июня противником были разбиты. Для отражения натиска противника и для поддержки действий стрелковых частей 4-я армия авиации и танков не имела. Артиллерия была уничтожена противником.

Управление войсками со стороны руководящих штабов с началом военных действий было неудовлетворительным.

В связи с частыми бомбардировками гор. Минска штаб ЗапОВО из города эвакуировался в лес, в район Уручья. Эвакуация отделов штаба проходила беспорядочно, работники штаба группами по 20–30 человек в течение 10 часов и больше разыскивали новое дислоцирование штаба. Руководящие работники отделов вместо организации эвакуации занялись вывозом своих семей из города, допустив панику и растерянность.

Из-за отсутствия связи с частями Артснабжение округа не знало расхода и потребности боеприпасов в действующих частях, в результате не обеспечивало их боеприпасами.

22—23 июня Артснабжение округа должно было отправить действующим армиям 3 эшелона боеприпасов, но по вине работников Артснабжения боеприпасы отправлены не были.

Разведотдел штаба фронта все свои подразделения – разведпункты и 2 радиодивизиона – растерял, мер к поиску не принял. К организации партизанских отрядов в тылу у противника не приступал. Месторасположения противника и обстановку не знал. В первые дни боевых

³⁶ Там же. Д. 98. Л. 294.

действий разведсводки составлялись по материалам ВВС, оперотдела штаба и старым агентурным материалам.

Паника, начавшаяся после неожиданного вторжения немецких войск, приняла широкие размеры. Бойцы и командиры частей 3-й армии неорганизованно, вразброд отступили по всем дорогам по направлению к Минску. Многие из них на второй линии обороны разыскивали свои части и, не находя их, обращались к командирам частей с просьбой принять их в часть для дальнейшей борьбы с немецкими фашистами. Командиры частей отказывались зачислять этих бойцов в свои части, мотивируя тем, что «нечем их кормить».

Данные 3-го отдела Западного фронта на 4 июля говорят о том, что неорганизованность в частях фронта продолжается.

Разгруженные в районе действующих частей 9 транспортов оружия не найдены, и кем они получены, не установлено. Аргуправлением для розыска этого оружия посланы нарочные.

Связь с частями фронта, потерянная с первых дней боевых действий, не восстанавливается. Исправлением поврежденных линий отдел связи не занимается. Радиосвязь со штабами соединений также отсутствует. Центральный радиопункт из-за неисправности двух радиостанций типа РАТ работать бесперебойно не может. Связь осуществляется только через делегатов.

74-м авиаполком утеряны перешифровальные средства и шифр ОК-40.

Противник с провокационными целями пользуется нашим кодом 16 ч. РАП. Получены две телеграммы провокационного характера без адреса и подписи, зашифрованные указанным кодом.

Генеральный штаб дал распоряжение о замене кода 16 ч. РАП»³⁷.

Как указывалось в спецсообщении 3-го Управления НКО № 4/37175 от 8 июля, «по сообщению 3-го отдела Западного фронта по состоянию на 1 июля имелись следующие существенные недочеты.

Отсутствовало достаточное количество артснарядов и других боеприпасов.

Снабжение частей фронта боеприпасами с начала военных действий проходило с большими перебоями.

Со стороны Аргуправления фронта в лице генерал-лейтенанта Клич действенных мер к упорядочению обеспечения частей боеприпасами не принималось.

Имеющиеся в 28-м стрелковом корпусе снаряды в боевую готовность приведены не были (недовернуты взрыватели); большинство поступивших в части мин не имели взрывателей.

При эвакуации зенитного дивизиона в/ч 1822 из гор. Гродно, вследствие отсутствия тяги, материальная часть осталась невывезенной. Должного сопротивления противнику дивизион не оказал, так как не был обеспечен снарядами.

56-я стрелковая дивизия к бою подготовлена не была – минометный взвод не имел мин, полковая школа 37-го стрелкового корпуса не имела винтовок и патронов. Части дивизии вступили в бой с оружием и боеприпасами мирного времени.

27-я стрелковая дивизия была введена в бой тоже неподготовленной – не хватало снарядов и патронов.

Находившиеся на границе передовые части вооружением и боеприпасами обеспечены не были, в результате при первом появлении противника бежали, создавая панику в основных частях 3-й армии.

Снабжение частей 85-й стрелковой дивизии горючим, боеприпасами и продовольствием было поставлено исключительно плохо. Уже на третий день боя арtpолки дивизии не имели снарядов.

24-й отдельный минометный батальон к началу военных действий винтовками был обеспечен наполовину, гранат и мин не имел вовсе. По этой причине в бой с противником батальон

³⁷ Там же. Д. 99. Л. 204–207.

не вступил, а при выезде из военного городка Козекова (близ Минска) оставил на территории городка до 30 минометов и свыше тысячи мин.

Из 12 имевшихся в округе складов с боеприпасами уничтожено путем взрыва 6, что составляет 24,5 % общего запаса.

В корпусных артиллерийских частях 28-го стрелкового корпуса и полках РГК снаряды на исходе и части не знают, где их получать.

Завезенные 26 июня снаряды оказались без взрывателей. Часть 3-й армии в районе Молодечно – Крулевщины боеприпасов не имели.

Находящийся в районе Барановичи и оторванный от фронта 6-й мехкорпус боеприпасами обеспечен не был.

С начала военных действий в работе отдела ВОСО наблюдается большая нечеткость.

При отправлении транспорта с боеприпасами номерация и станция отправления транспорта зачастую отсутствовала, что приводило к срыву своевременной подачи боеприпасов на линии фронта.

Управление Военных сообщений Красной Армии не сообщало номера отправляемых с центрального склада эшелонов с боеприпасами.

Снабжение частей фронта горюче-смазочными материалами проходило крайне неорганизованно.

Смазочные материалы Р-9, дизельное топливо и автол в частях были на исходе. Заявка ОСГ фронта от 23 июня на отгрузку Р-9 Управлением снабжения горючим Красной Армии к 1 июля не была выполнена. Отгруженные для частей фронта смазочные материалы и топливо в период с 23 по 30 июня поступали в незначительных количествах, что ни в какой степени не обеспечивало потребность фронта, а отдельные виды смазочных материалов и горючего не поступали вовсе.

29 июня командующим фронтом было отдано приказание о переброске горючего для фронта на транспортных самолетах.

Выполнение этого задания было возложено на представителя АБТ фронта капитана Сорокина и начальника отделения ОСГ военинженера 3-го ранга Пономарева, которые из-за недоговоренности между собой горючее на аэродром в необходимом количестве не подвезли, в результате из 22 транспортных самолетов было загружено только 3, остальные улетели незагруженными.

Начальники отдельных складов в панике перед противником склады подожгли, а сами дезертировали.

Начальник склада ГСМ № 497 в г. Орша – интендант 3-го ранга Трегубов и помполит – батальонный комиссар Пивоваров в панике подожгли склад № 497 в г. Орше, а сами дезертировали. Сгорело 700 тонн бензина и 6 вагонов смазочного материала и масла.

Трегубов и Пивоваров преданы суду Военного трибунала.

Начальник склада ГСМ № 645 на ст. Хородище – интендант 2-го ранга Май 26 июня сжег склад, а сам дезертировал.

По данному факту 3-м отделом фронта ведется расследование.

Снабжение частей фронта по линии интендантского управления не было налажено.

Вследствие отсутствия связи Управления фронта с интендантами армий, корпусов и отдельных воинских соединений, Интендантское управление о положении с продовольствием и другими видами имущества не знало.

Головные склады продовольствия на 1 июля сформированы еще не были и на прифронтовую полосу не выброшены.

Автобатальонов в распоряжении Интендантского управления не было, в связи с чем переброска продовольствия передовым частям фронта была крайне затруднена. Другими видами транспорта управление не располагало.

Военным Советом фронта было дано указание о немедленном формировании 10 автобатальонов с целью использовать их для подвоза частям фронта арт-снабжения, горючего и продовольствия, однако автобатальоны созданы не были.

Положение фронта с госпитальными учреждениями весьма тяжелое.

Отмобилизование санитарных учреждений по схеме развертывания на территории Западного Особого военного округа было сорвано. Кроме этого уничтожены были Минский, Молодечненский, Волковысский и Кобринский военные госпитали, в связи с этим раненых лечить было негде»³⁸.

13 июля 1941 г., выйдя из окружения, начальник 3-го отдела 10-й армии полковой комиссар Лось направил на имя начальника 3-го Управления НКО рапорт, в котором писал: «Согласно Вашего приказа докладываю обстановку, в которой начались события и их развитие. 21 июня в 24 часа мне позвонил член Военного Совета и просил прийти в штаб. Прибыв в штаб армии, командующий 10-й армией генерал-майор Голубев сказал, что обстановка чрезвычайно напряженная и есть приказ из округа руководящему составу ждать распоряжений не отходя от аппарата.

В свою очередь к этому времени были вызваны к проводу и ждали распоряжений все командиры корпусов и дивизий.

Примерно в 1 час ночи 22 июня бывший командующий ЗапОВО Павлов позвонил по «ВЧ» и приказал привести войска в полную боевую готовность и сказал, что подробности сообщит шифром. В соответствии с этим были даны указания всем командирам частей. Около 3 часов все средства связи были порваны. Полагаю, что противником до начала бомбардировки были сброшены парашютисты и ими выведены все средства связи.

К 10–11 часам утра шифровка прибыла, точного содержания ее сейчас не помню, но хорошо помню, что в ней говорилось привести войска в боевую готовность, не поддаваться на провокации и государственную границу не переходить. К этому времени уже войска противника углубились в нашу территорию местами на 5—10 км. Шифровку подписали – Павлов, Фоминых, Климовских. [...]

В 8 часов утра командный пункт переместился близ дер. Старосельцы в лес, что северо-западнее Белостока в 5 км. Сразу же командованием были приняты меры к установлению связи между соединениями, и уже к 12 часам связь с ними была восстановлена делегатами. Радиосвязь была восстановлена к исходу 22 числа как с округом, так и со всеми соединениями. Проволокой же связи во время действий армии не восстановлено.

22 и 23 числа все части вели усиленные боевые действия против противника. В отдельных местах (86-я, 113-я стрелковые дивизии) переходили в контрнаступление. К вечеру 22 числа, не помню сейчас от кого, то ли от заместителя командующего ЗапОВО Болдина лично, то ли из штаба ЗапОВО, было получено приказание отступить и закрепиться на рубеже реки Нарев. Приказание было вызвано якобы неустойкой соседа слева – 3-й армией.

22-го вечером командный пункт армии переместился близ ст. Валилы, что восточнее Белостока, части завершали отступление за реку Нарев.

В связи с тем, что отступление велось и днем, авиация противника действовала совершенно безнаказанно, так как ни одного нашего самолета не было, бомбили и расстреливали из самолетов отходящие части. Все последующие дни авиация противника совершенно безнаказанно расстреливала бомбами разных калибров и пулеметным огнем самолетов как передовые части, так и все войска армии, не давая нашим войскам поднять голову. Кроме того, наступающие войска противника вели усиленную стрельбу из огнеметов, которых у нас совершенно не было.

³⁸ Там же. Л.187–190.

Самолеты противника взяли под контроль все шоссевые дороги, расстреливали машины, а впоследствии охотились даже за отдельными людьми, что создало большую панику и большое количество людей разбежалось, бросая на ходу оружие, материальную часть и боеприпасы.

Шоссе Белосток – Волковыск было забито трупами людей, автомашинами, танками, боеприпасами, и пробраться через него было совершенно невозможно.

Таким образом, по существу, на реку Нарев вышли разбитые части, имея в дивизиях очень незначительное количество людей, а такие соединения как 13-й МК остался только с одним штабом. Это произошло потому, что корпус формировался как мехкорпус к началу военных действий и материальной части не получил, не считая незначительную часть учебных танков. Полки имели на вооружении 200–300 винтовок, весь остальной личный состав находился без оружия.

Положение еще усугублялось и тем, что по распоряжению штаба округа с 15 мая все артиллерийские полки дивизий, корпусов и артиллерийские полки РГК были собраны в лагеря в двух местах – Червоный Бор (между Ломжей и Замбровым) 22-го полка

10-й армии и Обуз-Лесна артиллерийские полки тыловых дивизий армии и других частей округа. Для поднятия этих полков был послан начальник артиллерии армии генерал-майор Барсуков, которому, как он мне рассказывал, удалось в 6 часов утра добраться до полков, разбудить их, поднять по тревоге и направить их в дивизии. Это было уже в то время, когда все пограничные дивизии вели бой с противником.

В исключительно тяжелое положение попали артполки на мехтяге. Часть пушек, не имея тягачей, была оставлена на зимних квартирах, часть тягачей в лагерях также была неисправна, и командование частей эту материальную часть взрывало или бросало, не произведя из них ни одного выстрела по противнику. На дороге, во время отступления, вследствие порчи тягачей от бомбежки бросались совершенно исправные орудия, не всегда снимались даже замки.

Аналогичное положение было также с зенитной артиллерией. Все дивизионы и полки, во всяком случае весь основной начсостав и матчасть были собраны для прохождения лагерных сборов в м. Крупки, близ Минска, и до последнего времени в 10-ю армию не вернулись, и их судьба мне неизвестна. Таким образом, соединения, склады, города остались без зенитной артиллерии.

6-й мехкорпус, которым командовал генерал-майор Хацкилевич, был полностью укомплектован новой материальной частью, танками «КВ» и Т-34, держался командованием 10-й армии в резерве и намечался для нанесения контрудара. 22 июня прибыли заместитель командиром войсками генерал-лейтенант Болдин, а 23-го маршал Кулик. Оба выехали в 6-й корпус и [он] ими [был] направлен на стык 3-й армии в район Соколки – Кузница, где противнику удалось прорваться. Из подчинения 10-й армии корпус вышел, им командовали Болдин и Кулик. Корпус попал в чрезвычайно тяжелое положение вследствие отсутствия горючего и снарядов. База снабжения горючим была в Волковыске, то есть в 100 с лишним км от корпуса. Были приняты все меры к снабжению горючим, но отправка затруднялась тем, что движение возможно только ночью, то есть в течение 4–5 часов. За это время нужно было расчистить дорогу от пробок после бомбежки.

Войска оказывали сопротивление противнику до 26 числа, после чего начали беспорядочное отступление. Командный пункт армии был перенесен в Замковый лес, что северо-восточнее гор. Волковыска. В командный пункт стали прибывать командиры соединений с докладами о состоянии войск, из которых было видно, что из дивизии осталось 500–600 человек, остальной состав убит или бежал.

Распространению паники и увеличению беспорядка в тылу способствовало следующее.

В ночь с 22 на 23 июня позорно сбежало все партийное и советское руководство Белостокской области. Все сотрудники органов НКВД и НКГБ во главе с начальниками органов

также сбежали. Аналогичное положение имело место почти во всех районных и городских организациях. Из Белостока и других городов сбежала вся милиция. Города, и в частности Белосток, как ближайшая питающая база, были оставлены без власти. Враждебные элементы воспользовались этим и подняли голову. Освободили из тюрем более 3000 арестованных, которые начали грабежи и погромы в городе. Враждебные элементы открыли стрельбу из окон по проходящим частям и тылам наших войск, используя для этого спрятанное оружие бывшей польской армии и брошенное нашими частями.

Все это создало возможность мелким десантам противника в 10–15 человек безнаказанно наводить панику и создавать впечатление об окружении, так как не было организовано их уничтожение.

22 июня 1941 г. вечером на командном пункте я внес предложение, ввиду отсутствия возможности судить арестованных и эвакуировать их, расстрелять всех шпионов, повстанцев, диверсантов и изменников, составить акт за подписью секретаря Обкома тов. Кудряева, начальника УНКВД т. Фукина, НКГБ т. Бельченко и моей. Это предложение мною было сделано в присутствии генерал-лейтенанта Богданова и Соколова, которые меня поддержали. Тов. Кудряев и Бельченко обещали над этим предложением подумать и сообщить мне результат 23 числа. Как я указал выше, 23 числа они все из Белостока сбежали.

Аналогичное положение имело место во всех остальных районах и городах. Население как в западных областях, так и в восточных, теперь занятых противником, не было организовано на борьбу с десантами и контрреволюционными элементами.

Военный Совет армии принял решение о дальнейшем отступлении и (так как парашютным десантом был отрезан штаб 10-й армии от Волковыска с запада и Слонима с востока) обойти с северо-востока проселочными дорогами и выйти на Барановичи.

Как оказалось в дальнейшем, Барановичи был взят немцами, после чего Военный Совет принял решение отступать на восток по направлению к Слуцку. Оказалось, что и эти пути отхода отрезаны немцами.

Пересекая шоссе [у] Барановичи встретились с противником, приняли бой. До этого командующий меня предупредил, что решено разбиться на группы, причем группа, в том числе руководящий состав штаба армии, пойдет вместе с маршалом Кулик выедет вперед на легковых машинах. Заместитель народного комиссара обороны маршал Кулик приказал мне ехать вместе с ним. Оставшийся оперативный состав под руководством моего заместителя вместе с остальной группой командного состава штаба армии и под руководством командующего армией генерала Голубева должны были пробираться в том же направлении.

С 30-го числа о них никаких сведений не имею.

Группа, в которой я был, в 24 человека, на машинах по проселочной дороге пробилась к старой границе в район юго-западнее Минска. После того как оказалось, что противником занят Минск, было принято решение пробираться в Березину. Разбившись на группы 5–6 человек, следуя по одному направлению в 5–6 км друг от друга, пробирались к Березине, но и Березина оказалась занятой противником, после чего было принято решение двигаться на Днепр.

9 июля 1941 г. к вечеру вышли к Днепру, северней Нового Быхова против дер. Селец. Вечером на сколоченном плоту из бревен проплыли Днепр и были задержаны нарядом 183-й дивизии.

Весь наш путь проходил по малопроезжей дороге, проселком, болотами, лесами. Избегая заходить в крупные деревни и села, с предварительной разведкой заходили только в небольшие населенные пункты. Шоссе, по которому двигались силы противника, пересекались нами, как правило, ночью в перерывах между движением автотранспорта.

О работе 3-го отдела

Сразу же после бомбежки все документы 3-го отдела были сданы в областное Управление НКВД для доставки их в Минск.

3-му отделу приходилось заниматься всем, и главным образом по обеспечению работы тыла.

3-м отделом армии из отходящих пограничников в 200 человек под руководством оперативного состава были созданы заградотряды, задерживающие всех бегущих и направлявшие их на пункты, где штабом армии формировались полки и отправлялись на фронт. Была организована чистка людей, переходящих через заградотряды, ведение следствия по дезертирам, мародерам, шпионам и паникерам.

Во все основные решающие пункты направлялся оперативный состав, которому придавались группы пограничников и командиров.

Кроме того, в связи с тем, что с 22 в ночь на 23 из Белостока сбежали все работники НКВД и НКГБ, партийного и советского аппаратов, город остался без власти, и так как Белосток являлся еще базой снабжения наших частей, мною была сформирована оперативная группа при коменданте города, усиленная пограничниками, в Белостоке был восстановлен порядок с применением всех мер военного времени.

25—26 числа оперативная группа покинула Белосток только тогда, когда с западной стороны его начинали входить немцы.

Идя 10 дней по территории противника, заходя в отдельные села, я наблюдал следующее.

Большое количество красноармейцев, бросивших оружие, бродят по селам, немецкими войсками не задерживаются, в плен не берутся. В отдельных случаях эти группы используются немцами для работ (постройке домов, расчистке дорог и т. п.). Командный состав расстреливается на месте любым чином немецкой армии, как только устанавливается, что это лицо относится к начсоставу. Гражданское население не трогают. В отдельные села заезжали представители немецкого командования и предлагали оставить существующий порядок, колхозы не распускать, напирая особенно на то, чтобы урожай снять в организованном порядке.

Следует отметить, что, как правило, районное партийное и советское руководство сбежало со всех мест за 5–6 дней до появления противника, оставив весь колхозный советский актив села без руководства.

Кроме того, в предвоенный период все радиоприемники были изъяты, так что колхозники не знали указаний Советского правительства об уничтожении всего имущества при отходе. Также им неизвестно о создании партизанских отрядов. По крайней мере, за 10 дней продвижения по территории противника я не видел ни одного случая уничтожения имущества и не слышал о партизанских отрядах. Были случаи, когда крестьяне деревень разбирали имущество, принадлежащее совхозу и государству. В отдельных колхозах единоличники терроризировали колхозников и начали грабить колхозное имущество.

Говоря о поведении командиров, идущих в группе во время выхода из окружения, следует отметить, что в основном все шли с решением либо пробраться к своим, либо умереть.

Непонятно поведение заместителя наркома обороны маршала Кулик. Он приказал всем снять знаки различия, выбросить документы, затем переодеться в крестьянскую одежду и сам переоделся в крестьянскую одежду. Сам он никаких документов с собой не имел, не знаю, взял ли он их с собой из Москвы. Предлагал бросить оружие, а мне лично ордена и документы, однако, кроме его адъютанта, майора по званию, фамилию забыл, никто документов и оружия не бросил.

Мотивировал он это тем, что если попадемся к противнику, он примет нас за крестьян и отпустит.

Перед самым переходом фронта т. Кулик ехал на крестьянской подводе по той самой дороге, по которой двигались немецкие танки, что хорошо было известно тов. Кулик по следам немецких машин (они отличаются от наших) и по рассказам крестьян, и только счастливая случайность спасла нас от встречи с немцами. Маршал тов. Кулик говорил, что хорошо умеет плавать, однако переплывать реку не стал, а ждал, пока сколотят плот»³⁹.

* * *

Схожие проблемы имели место и в войсках **Юго-Западного фронта**. 22 июня «по сообщению 3[-го] отдела 139-й дивизии КОВО части дивизии идут к исходному положению. Автотранспорт дивизии без запасных частей и без резины. Снаряды оставлены на зимних квартирах. В дивизии ощущается большой недостаток в обуви, 200 человек совершенно босые. Дивизия не отмотобилизована»⁴⁰.

Как указывалось в спецсообщении 3-го Управления НКО № 36137 от 1 июля, «по сообщению 3[-го] отдела Юго-Западного фронта от 25 июня с. г., в ходе развертывания боевых действий в первые дни войны в частях фронта отмечалась неорганизованность, беспечность и растерянность.

Несмотря на сигналы о реальной возможности нападения противника, отдельные командиры частей Юго-Западного фронта не сумели быстро отразить нападение противника. [...]

К началу военных действий штаба округа на месте не было. Отделы штаба следовали разрозненными эшелонами и прибыли на командный пункт из Киева к концу 22 июня. Регулярной связи с армиями и корпусами штаб не имел.

Командование 5-й армии в первый день войны потеряло связь с частями и не знало обстановку на фронте.

22 июня командующий 5-й армией приказал сменить командный пункт. Начальники отделов не были предупреждены о месте нового сосредоточения. Переезд происходил неорганизованно, колонны растянулись, были обнаружены авиацией противника и обстреляны ею.

Зенитная артиллерия 18-го зенитного артполка 12-й армии, охранявшая гор. Станислав от воздушных налетов противника, не имела 37-мм снарядов. Также не оказались обеспеченными снарядами артиллерийские дивизионы частей, в частности 164-й стрелковой дивизии.

В некоторых городах, подвергшихся бомбардировке, партийные и советские работники бросались первыми бежать, чем создавали панику и беспорядок.

22 июня с. г. после бомбежки противником г. Луцка весь партийный и советский аппарат в панике оставил город. Оставшиеся в тюрьме г. Луцка арестованные подняли бунт, обезоружили часть охраны и пытались бежать. (Бунт вскоре был подавлен.)

22 июня после первого налета немецких бомбардировщиков в г. Львове началась паника. Партийные и советские работники областных организаций мобилизовали весь львовский автотранспорт, собрали свои семьи и большими партиями стали покидать город.

23 июня в г. Львове фактически власти не было. Этим воспользовался бандитский элемент, который ночью разграбил кондитерскую фабрику, некоторые торговые предприятия и квартиры эвакуировавшихся семей. На Львовском мясокомбинате была отравлена вода.

В пересыльной тюрьме г. Львова захваченные подняли бунт, обезоружив часть охраны. Конвойным батальоном войск НКВД бунт был подавлен.

Созданный по приказанию командующего 6-й армии генерал-лейтенанта Музыченко опергруппой из работников 3-го отдела армии и отдела Политпропаганды в г. Львове к 24 июня

³⁹ Там же. Л. 330–340.

⁴⁰ Там же. Д. 98. Л. 175.

был восстановлен революционный порядок. Организованные заградительные пункты стали возвращать беженцев обратно во Львов.

23 июня из местечка Буск бежали первый секретарь Бусского райкома КП(б)У Безухов и председатель исполкома Попов, оставив район без всякого руководства. (Оба арестованы.)

Политико-моральное состояние частей фронта здоровое, за исключением отдельных случаев нездоровых настроений и дезертирства.

22 июня с.г. начальник артиллерии 12-й армии генерал-майор Гавриленко заявил: «Немцы начнут наступать и побьют нас. Все, что было взято в 1939 году, заберут. У нас на каждом шагу безобразия. В 16-м мехкорпусе снаряды не подходят к системе орудий, стрелять нельзя. В артбригадах материальную часть возить не на чем. Заберут нас немцы, как цыплят, без выстрела».

23 июня работник артотдела 12-й армии майор Серофанов сказал: «Нас били, бьют и будут бить из-за неорганизованности, отсутствия дисциплины и порядка».

По частям Юго-Западного фронта на 26 июня было задержано 69 дезертиров, в том числе 3 человека начсостава. Из числа задержанных 32 человека расстреляны командованием, 2 осуждены к расстрелу Военным трибуналом, в отношении остальных военной прокуратурой ведется следствие.

За период с 24 по 26 июня подобрано 450 красноармейцев, потерявших свои части.

Для задержания дезертиров и потерявших свои части 3-м отделом Юго-Западного фронта созданы специальные заслоны.

В бою с противником частей 97-й стрелковой дивизии была захвачена в плен группа немецких солдат. Путем осмотра оружия, отобранного у них, было установлено, что немцы-фашисты активно дерутся, стволы их винтовок были сильно накалины, у пленных из австрийцев, чехов и др. национальностей винтовок оставались смазанными маслом, так как из них не было произведено ни одного выстрела»⁴¹.

Согласно спецсообщению 3-го Управления НКО № 36698 от 6 июля, «по сообщению 3-го отдела Юго-Западного фронта, первые дни войны с Германией показали, что ряд частей КОВО к военным действиям подготовлены не были. В частях и соединениях отсутствовало необходимое количество боеприпасов и вооружения, взаимосвязь между частями налажена была плохо, среди высшего комсостава имели место случаи паникерства. Все это привело к большим потерям личного состава и вооружения.

Из-за недостатка боеприпасов части 9-го⁴² УРа (5-я армия г. Любомль) с началом военных действий понесли большие потери и на второй день войны вынуждены были выйти на передовые линии полевых частей. Артиллерия УРа на огневые позиции из-за отсутствия снарядов не выходила.

Командование армии, располагая неточными данными о расположении своих частей и о движении частей противника, зачастую издает неверные приказы и приказания.

24 июня начальником штаба армии на основе непроверенных данных разведки штаба армии о том, что в районе Дубенской дороги передвигаются 30 танков противника, артиллерия и 18 бронемашин, что справа якобы обходит 14-я танковая дивизия немцев, было приказано приготовиться к эвакуации.

В результате проверки эти данные не подтвердились, а отданное распоряжение вызвало паническое состояние начсостава штаба армии.

23 и 24 июня местные власти Львова и Луцка стали в беспорядке покидать эти города, вызывая панику среди населения. Принятыми мерами со стороны 3-го отдела и командования 5-й армии паника была быстро ликвидирована.

⁴¹ Там же. Л. 250–253.

⁴² Так в тексте. Имеются в виду оборонительные сооружения 13-го Ковельского УР.

26 июня в связи с предполагаемым приближением немцев была создана паника в самом штабе Юго-Западного фронта. Расследованием установлено, что заместитель начальника штаба по политчасти полковой комиссар Зиновьев получил приказание от начальника штаба генерал-лейтенанта Пуркаева подготовить машины и погрузить на них имущество отделов. Приказание было выполнено. В результате начальник отдела интендантской службы генерал-майор Ковалев, начальник ОСГ генерал-майор Алексеев и другие с 3 часов 26 июня свернули работу своих отделов.

Кроме того, по приказанию заместителя начальника штаба по тылу Трутко для погрузки имущества штаба были взяты 100 грузовых автомашин, предназначенных для перевозки горючего сражающемуся с противником 15-му мехкорпусу.

Принятыми мерами со стороны 3-го отдела и Военного Совета Юго-Западного фронта работа отделов штаба восстановлена.

Командный пункт штаба армкавгруппы организован плохо: блиндажи отсутствуют, охрана малочисленна и состоит из плохо обученных бойцов. В ночь с 24 на 25 июня караулом, охраняющим командный пункт, была поднята бесцельная стрельба, которую прекратить удалось только утром.

Станция снабжения Армгруппы не организована. Работники штаба не выезжают в части для помощи и оперативного руководства»⁴³.

Как отмечалось в спецсообщении Особого отдела НКВД № 4/38578 от 21 июля, «по сообщению Особого отдела Юго-Западного фронта расследованием обстоятельств ухода частей 199-й стрелковой дивизии с поля боя в районе Щовый] Мирополь установлено: части дивизии с 5 июля с.г., согласно приказу командования фронта, занимали оборону на южном секторе Н[овоград]-Волынского укрепрайона, в частности на участке Боринцы – Щовый] Мирополь – Коростки.

Вследствие отсутствия руководства боем со стороны командования дивизии и преждевременного оставления точек УРОВскими частями, при прорыве противником 6 июля с.г. укрепленного района Щовый] Мирополь 7-й стрелковый полк дивизии с занимаемых позиций в панике отступил.

После этого прорыва управлением дивизии связь с двумя полками была потеряна.

9 июля с.г. командир дивизии Алексеев, имея письменный приказ Военного Совета фронта – удерживать занятые позиции, на основании якобы устного приказа командира 7-го стрелкового корпуса Добросердова, 492-му стрелковому полку, располагавшему всеми возможностями удерживать оборону рубежа до прихода подкреплений, приказал отходить. Остальным полкам этот приказ передан не был.

Командир дивизии Алексеев вместе с комиссаром Коржевым и другими командирами, оставив части, с поля боя бежал.

В районе, где находился штаб дивизии 11 июля обнаружено брошенным все делопроизводство штаба дивизии и около 2 млн денег.

Следствие по делу ведет Особый отдел фронта». 22 июля 1941 г. начальник Генштаб РККА генерал армии Г. К. Жуков наложил на этом донесении следующую резолюцию: «Т. Носову, копия т. Мехлису. Немедленно арестовать командира корпуса, командира дивизии, командиров полков и судить в самом срочном порядке как изменников и трусов»⁴⁴.

17 августа Особый отдел НКВД подготовил спецсообщение № 41/103, в котором указывалось, что «6 июля у Ново-Мирополя потерпела поражение, понесла большие потери людьми и материальной частью, 199-я стрелковая дивизия.

⁴³ Там же. Д. 99. Л. 112–114.

⁴⁴ Там же. Д. 100. Л. 252–253.

Особый отдел Юго-Западного фронта в связи с этим произвел расследование, в результате которого установлено:

30 июня командующий Юго-Западным фронтом приказал 199-й стрелковой дивизии к утру 5 июля занять и прочно удерживать южный фас Новоград-Волынского укрепрайона. Этот приказ командование дивизии выполнило с опозданием. Части дивизии заняли оборону позже указанного срока, кроме этого, во время марша не было организовано питание бойцов. Люди, особенно 617-го стрелкового полка, прибыли в район обороны истощенными.

После занятия района обороны командование дивизии не произвело разведку сил противника, не приняло мер к взрыву моста через реку Случь на центральном участке обороны, что дало возможность противнику перебросить танки и мотомехпехоту. В связи с тем, что командование не установило связи штаба дивизии с полками, 6 июля 617-й и 584-й стрелковые полки действовали без всякого руководства со стороны командования дивизии.

Во время паники, создавшейся в подразделениях при наступлении противника, командование не сумело предотвратить начавшееся бегство. Управление штаба дивизии разбежалось. Командир дивизии Алексеев, заместитель командира по политчасти Коржев и начальник штаба дивизии Герман оставили полки и с остатками штаба бежали в тыл.

По вине Коржева и Германа противнику были оставлены партийные документы, чистые бланки партийных билетов, печати партийной и комсомольской организаций и все штабные документы.

Командир дивизии полковник Алексеев, заместитель командира по политчасти полковой комиссар Коржев и начальник штаба дивизии подполковник Герман арестованы и преданы суду Военного трибунала»⁴⁵.

Как отмечалось в спецсообщении Особого отдела НКВД № 4/51973 от 20 ноября 1941 г., «по сообщению Особого отдела НКВД Южного фронта, возвратившийся из окружения противника бывший помощник начальника штаба по разведке 396-го стрелкового полка 135-й стрелковой дивизии 27-го стрелкового корпуса 5-й армии старший лейтенант Кудаков сообщил следующее.

С первых дней войны 135-я стрелковая дивизия в районе Владимира-Волынского направления потерпела поражение и была направлена в Шепетовку на переформирование.

В связи с имевшимися данными о гибели командира дивизии генерал-майора Смехотворцева, командиром вновь сформированной 135-й стрелковой дивизии был назначен подполковник Дубровский.

Как впоследствии выяснилось, сведения о гибели генерал-майора Смехотворцева были ложными. На самом деле генерал-майор Смехотворцев совместно с начальником штаба дивизии подполковником Михайловым в местечке восточнее гор. Коростеня собирали вышедшие из боя части и формировали из них дивизию, причем личного состава и вооружения в этих частях было больше, чем во вновь сформированной 135-й стрелковой дивизии под командованием подполковника Дубровского.

По формировании дивизия Дубровского была переброшена километров 20 западнее ст. Полонной для занятия обороны.

Несколько позже дивизия вновь была переброшена на старый УР на реке Случь близ г. Барановка, где части дивизии заняли район обороны по восточному берегу реки Случь.

Через несколько дней дивизия Дубровского и действовавшая левее 149-я стрелковая дивизия оказались в полукольце противника.

Время на отход было, так как в районе обороны дивизии противника не было, но отход по неизвестным причинам организован командованием дивизии не был.

⁴⁵ Там же. Д.101.Л.110–111.

7 июля генерал-майор Смахотворцев прислал приказ об отводе остатков дивизии Дубровского к месту формирования частей генерал-майором Смахотворцевым.

Подполковник Дубровский этого приказа не выполнил и присланных Смахотворцевым трех лейтенантов и одного капитана с шестью младшими командирами обратно не отпустил.

Выехавший в этот же день к генерал-майору Смахотворцеву политрук Особого отделения дивизии Паппота 8 июля в дивизию возвратился и привез подтверждение приказа Смахотворцева, но подполковник Дубровский вторично отказался его выполнить.

В среде комсостава стало нарастать недовольство. Фактически существовало две 135-х стрелковых дивизии.

Противник этим временем продолжал обход дивизии, и к 10 июля последняя оказалась полностью окруженной.

В связи с этим на совещании комсостава было принято решение разбить дивизию на три группы и начать выход из окружения каждой группы самостоятельно.

Однако прорвать кольцо противника ни одной группе не удалось. У места намеченного прорыва недалеко от села Стрибеж, Житомирской области, через Киевское шоссе разведкой было обнаружено большое движение мотомехчастей на Житомир.

Собравшиеся у села Стрибеж части двух групп дивизии оказались в 2 км от противника. Из командования дивизии никого не было, подполковник Дубровский, бросив части, еще ночью уехал в неизвестном направлении.

Оставшимся командным составом было принято решение – лишнее оружие и боеприпасы закопать в землю, людей разбить на небольшие группы и через шоссе пойти в направлении Киева.

Имевшиеся 3 машины после этого решения были приведены в негодность, лошадей с повозками передали в колхоз в селе Стрибеж. Личный состав разбился на небольшие группы, многие командиры пошли со своими подразделениями.

В результате из окружения возвратились лишь отдельные военнослужащие»⁴⁶.

Согласно спецсообщению 3-го Управления НКО № 38209 от 18 июля, «командование 25-го механизированного корпуса Харьковского военного округа

24 июня 1941 г. получило распоряжение об отправке корпуса в действующую армию, со сроком погрузки в этот же день к 23 часам.

Управление корпуса и отдельные корпусные части убыли из Харькова 24 июня 1941 г. железной дорогой, следовали через Полтаву, Кременчуг, Знаменку до ст. Мироновка, откуда своим ходом прибыли в г. Богу слав и вошли в состав 19-й армии.

Из г. Богуслава управление корпуса своим ходом через Тарашу, г. Белая Церковь, г. Васильково прибыло в с. Глеваха, Васильковского района Киевской области, оттуда на следующий день передислоцировалось в с. Святошино под г. Киев, а затем своим ходом на ст. Ирпень в 15 км от Киева, где погрузились в железнодорожный эшелон, которым через ст. Нежин и Гомель в ночь на 5 июля 1941 г. прибыли в г. Новозыбков, Орловской области и поступили в распоряжение 5-й армии.

На все перечисленные выше переезды корпус затратил 10 суток, бесцельно израсходовав моторесурсы, и растерял по дороге корпусные части, то есть мотоциклетный полк, отдельный инженерный батальон и др.

Из 50-й танковой дивизии, которая совершила почти аналогичный маршрут, неизвестно где находятся

4 эшелона и в таком же положении находятся 4 эшелона 219-й моторизованной дивизии, которая, кроме того, во время переездов потеряла убитыми и ранеными 150 человек личного

⁴⁶ Там же. Д. 103. Л. 388–389.

состава, попав под бомбежку авиацией противника на ст. Васильково перед разгрузкой эшелона.

На переезд из г. Харькова (прежнее место дислоцирования) в г. Новозыбков понадобилось бы всего лишь 1–1,5 суток, следовательно, время, потерянное на переезды из одного места в другое, можно было использовать на получение недостающей матчасти и вооружения, которыми корпус до настоящего времени не укомплектован и поэтому к полной боевой готовности не приведен»⁴⁷.

Согласно спецсообщению Особого отдела НКВД № 39405 от 1 августа, «4-й мехкорпус с первых дней войны использовался командованием 6-й армии как часть прикрытия.

В боях с противником корпусом потеряно 27 танков «КВ» и 174 танка Т-34, кроме того, убыло по техническим неисправностям 133 танка указанных марок.

Большая часть этих потерь произошла по вине командования 6-й армии, которое перебрасывало части корпуса с места на место на дальние расстояния.

Были случаи, когда корпус со своими частями не успевал расположиться на новом рубеже или только подходил к нему, как следовал приказ 6-й армии с новым боевым заданием, вызывавшим новые дальние передвижения (Каменка-Струмилов, Мосциск и др.).

Вследствие частых переходов корпус в целом прошел 800 километров (а 32-я танковая дивизия – 1000 километров) и остался совершенно без материальной части.

Танки «КВ» и Т-34 бросались на дорогах из-за незначительных неисправностей. Командование 6-й армии никакой работы по сбору оставленной на дорогах материальной части не проводило. Силами корпуса было подобрано и эвакуировано 73 танка, подорвано и сожжено 98 танков.

Неправильно использовался корпус и в боевых операциях. Все бои, проведенные дивизиями корпуса, не сопровождались ни артиллерийским огнем, ни авиацией. Приданные танковым частям мотострелковые полки командованием 6-й армии с первого дня боевых действий были разбросаны мелкими частями, а 202-й и 32-й полки были задержаны для охраны штаба 6-й армии.

Отход частей командование 6-й армии не организовало. Формально приказом и на картах разграничивалось движение частей, однако основные маршруты всегда были чрезмерно перегружены. Армейских регулировщиков и начальников маршрутов не было, как например, при отходе из Львова на Злочев, когда 4-й мехкорпус соединился с частями 6-го стрелкового корпуса и 3-й кавдивизии и образовал многокилометровую колонну, создав на дорогах пробки»⁴⁸.

Так же 1 августа было подготовлено спецсообщение Особого отдела НКВД, в котором подводились некоторые итоги боевых действий бронетанковых войск фронта. «По сообщению Особого отдела Юго-Западного фронта за истекший период военных действий танковые и мотомеханизированные соединения, находящиеся в распоряжении командования фронтом, понесли большие потери материальной части.

Основными причинами больших потерь материальной части являются:

- 1) Громоздкость структуры командных пунктов, которая затрудняла тактическую маневренность бронетанковых соединений;
- 2) Слабая тактическая и техническая подготовка личного состава, особенно командного;
- 3) Плохая сколоченность частей и подразделений;
- 4) Частые изменения районов сосредоточения, вследствие чего имели место большие марши, которые привели к сильной изношенности машин до участия их в боях (8-й механизированный корпус перед боем совершил марш около 500 км, потерял за это время до 45 % машин; 56-я дивизия совершила марш около 1000 км, потеряла до 35 % машин);

⁴⁷ Там же. Д. 99. Л. 352–353.

⁴⁸ Там же. Д. 100. Л. 318–319.

5) Отсутствие взаимодействия с танками артиллерии, авиации и пехоты и слабое прикрытие танковых соединений зенитными средствами;

6) Отсутствие разведывательных данных о противнике и местности, в результате чего значительное количество танков погибло в болотах;

7) Необеспеченность ремонтными средствами, запасными частями и эвакуационными средствами;

8) Проявление паникерства и трусости отдельными командирами.

По данным на 30 июля с. г.

в 8-й танковой дивизии осталось 39 танков;

в 32-й танковой дивизии – 10 танков;

в 20-й танковой дивизии – 3 танка;

в 35-й танковой дивизии – 24 танка;

в 10-й танковой дивизии – 6 танков;

в 37-й танковой дивизии – 7 танков;

в 15-й танковой дивизии – 101 танк;

в 43-й танковой дивизии – 47 танков;

в 40-й танковой дивизии – 3 танка;

в 19-й танковой дивизии – 1 танк;

в 41-й танковой дивизии – 11 танков;

в 34-й танковой дивизии – 3 танка;

в 44-й танковой дивизии – 125 танков;

в 39-й танковой дивизии – 0 танков.

Вся оставшаяся в частях фронта материальная часть требует ремонта.

Оставшийся личный состав 9-го, 19-го, 22-го и

24-го корпусов участвует в боях как пехотные соединения.

Комплектуемая в настоящее время 12-я танковая дивизия получила с заводов и ремонтных баз 75 танков; в остальных сформированных полках в общей сложности имеется 270 танков»⁴⁹.

* * *

Одним из видов деятельности военной контрразведки было фиксирование различных «неправильных» высказываний военнослужащих Красной армии. Подобные материалы интересны тем, что дают возможность получить сведения об имевшихся настроениях. При этом, конечно, следует помнить, что фиксируемые органами военной контрразведки высказывания были именно заметным отклонением от широко-распространенных, что и делало их объектом внимания.

22 июня 1941 г. органами 3-го Управления НКО были зафиксированы следующие высказывания военнослужащих. Преподаватель тактики ВСШ майор Мухин полагал, что «теперь немцы сделают нам мясорубку. Мы к войне не готовы. Везде распушенность и неорганизованность». По мнению слушателя 2-го курса ВСШ старшего лейтенанта Павлова, «Япония не выступит против нас, так как мы ее купили. Ведь еще Маркс говорил, что в интересах революции можно пожертвовать и целой нацией. Советское правительство, наверное, пообещало Японии дать возможность быть хозяином на Тихом океане и отдать Китай»⁵⁰. Красноармеец 14-го стрелкового корпуса Южного фронта Тверетинов был уверен, что «Германия победит Советский Союз. При первом же наступлении немцев нужно сдаться в плен. Там останешься

⁴⁹ Там же. Л. 315–317.

⁵⁰ Там же. Д. 99. Л. 1.

живым, и будешь жить неплохо»⁵¹. Как полагал шофер автобазы НКО Родюков, «немцы нас разобьют. СССР долго воевать не может, т. к. экономически Советский Союз очень слаб, это не то, что у немцев. Кроме этого, с нашей стороны будут большие изменения, а у немцев этого быть не может. Нам в войне никто внутри страны не поможет, раньше помогали крестьяне, а теперь и они этого не будут делать. Во время финских событий было много добровольцев, а теперь в войне с Германией никто добровольцем не пойдет, т. к. после окончания войны с Финляндией вернувшихся с фронта обратно не брали на работу и многие из них подолгу не имели никакой работы»⁵².

По мнению инженера спецотдела Главного военно-строительного управления Косолапова: «Германия в вопросах подготовки к войне была умнее, чем СССР и поэтому Германия хорошо сформировалась, подготовилась и может оказаться победительницей. Одно из положительных сторон в Германии это то, что там с начсоставом запаса велась и ведется подготовительная работа, а в СССР этот важный участок работы совершенно забыт, НКО в войне рассчитывает на молодняк, находящийся в Красной Армии, это неправильно»⁵³. Слушатель Военно-ветеринарной академии Мирин заявил, что «германский народ ни за что не пойдет против своего правительства, так как всем немцам живется несравненно лучше, чем остальным трудящимся тех государств, которые поработила Германия. В Германии почти каждый крестьянин имеет свою автомашину и другие удобства в жизни»⁵⁴. Неназванный в документе красноармеец 266-го корпусного артполка 9-й армии Южного фронта сказал: «Хорошо говорил Молотов, что победа будет за нами, но на самом деле она может оказаться на стороне Германии. Я больше уверен в германской технике. Потом, победа остается за тем, кто первый ведет наступление»⁵⁵. По мнению командира 1-го дивизиона 260-го гаубичного артполка Северного фронта капитана Чеснокова: «Это нам не Финляндия, у нас жидковато, а Гитлер сильный противник, он может нас растерзать на клочья»⁵⁶.

23 июня красноармеец 9-й армии Южного фронта Селюченко заявил: «У меня чувствует сердце, что мы будем разбиты, так как германская армия сильна в техническом отношении и лучше обучена. Я сегодня убедился, что Германия борется за справедливое, она нас не боится, ее самолеты летают свободно, не боясь нашей зенитной артиллерии и самолетов. Они делают свои дела на наших глазах, а в наших газетах много шумихи о Красной Армии, но на фактах что-то получается иначе»⁵⁷. Как полагал воентехник 1-го ранга эскадрильи 41-й авиадивизии Федоров (ст. Луга), «при такой организации как у нас, я чувствую, нас Гитлер покроет, разобьет в пух и прах. У них организованность не наша. У нас привыкли много болтать, а на деле совсем не то. Начальству живется, ему и бомбы не страшны. Надеяться на народ много не приходится. У нас много заключенных и многие из них сидят ни за что. Гитлер это учитывает и возможно будет выбрасывать десант около лагерей заключенных»⁵⁸. По мнению воентехника 1-го ранга научно-испытательного полигона стрелкового вооружения Ольшанского, «сообщения нашего Информбюро не верны. Не может быть взято столько пленных, когда нашим войскам в некоторых местах пришлось отступать и даже сдать города. Потери наши, наверно, больше, чем немцев – и живой силы, и машин»⁵⁹.

⁵¹ Там же. Л. 8.

⁵² Там же. Л. 16.

⁵³ Там же. Л. 17.

⁵⁴ Там же. Л. 19.

⁵⁵ Там же. Л. 44.

⁵⁶ Там же. Л. 55.

⁵⁷ Там же. Л. 45.

⁵⁸ Там же. Л. 61.

⁵⁹ Там же. Л. 69.

24 июня исполняющий обязанности начальника кафедры Артиллерийской академии Н. П. Береснев полагал, что «Германия передовая нация, немецкая национальная социалистическая партия должна победить и победит она потому, что немецкая армия и национал-социалисты несут передовую культуру народу»⁶⁰. По мнению командира радиороты Северного фронта лейтенанта Тарасова, «из первых дней боев с немцами видно, что наши части не имеют большого успеха и получается вроде того „Ура, наших бьют“»⁶¹.

25—26 июня преподаватель тактики Интендантской академии генерал-майор Скворцов считал, что «прорыв танков к Ошмянны говорит о многом. Слабо, очевидно, у нас руководство. Имеем колоссальное количество танков, а использовать их не умеем. Превосходства в воздухе у нас перед немцами тоже нет. Я считаю – положение на фронте для нас очень неблагоприятное. Немцы имеют определенный успех. Они могут в лесах Белоруссии высадить незаметно для нас десанты и ударить с тыла»⁶². По мнению курсанта Харьковского военно-авиационного технического училища Курочкина, «рано немцы начали с нами войну. У нас в настоящее время идет перевооружение авиации новой материальной частью. Летный состав еще ни одного раза не летал на этих самолетах и к воздушным боям на этих самолетах не подготовлен»⁶³.

26 июня работник Управления кадров Красной Армии капитан Малофеев полагал, что «будет большая драка, но у нас все же слабовато в области техники. Мехкорпуса материальной частью не укомплектованы, да еще много дураков в Красной Армии. Кроме того, немцы летали по воздушной трассе Берлин – Москва и обратно. Это была их разведка. Немцы знали, что у нас в Белостоке стоит авиадивизия, которая в воздух подняться не может потому, что аэродром был весь вспахан»⁶⁴. Как полагал красноармеец роты обслуживания 2-го полка ВНОС 2-го корпуса ПВО Зайцев, «Гитлер освободит от жидовского засилья. В Германии всех жидов перебили, теперь и у нас тоже перебьют. Вождам теперь нашим конец и убежать им никуда нельзя, всюду капиталистическое окружение. Народ голодный, в деревне нечего есть до нового урожая, а правительство направляло Германии и Финляндии крупчатку и масло»⁶⁵. По мнению райинженера УВС Главного интендантского управления Красной Армии инженера 1-го ранга Чувиленкова, «наступление Германии идет в полном контакте с Англией, с целью полного уничтожения СССР и установления единой капиталистической системы. Поражение СССР в этой войне неизбежно и в скором времени СССР будет вынужден сделать своей столицей Свердловск»⁶⁶. Бригадный интендант Главного интендантского управления Красной Армии Гемизов считал, что «сейчас трудно предсказать, на чьей стороне будет победа, нужно учесть, что немецкая армия более организована, неоднократно обстреляна и к тому же имеет опыт в войне больше, чем Красная Армия»⁶⁷. По мнению заместителя начальника отдела Главного военно-инженерного управления бригадинтенданта Зайцева, «Гитлер опутал наших. Мы дали возможность Гитлеру осуществить его мечты, сначала разбить Францию, а потом Советский Союз. Где уж нам, с нашей неорганизованностью воевать с немцем. Если мы удержим немцев, то только нашей валовой силой». Как полагал слушатель Военной академии механизации и моторизации младший воентехник Мирошниченко, «наша авиационная промышленность выпускает мало самолетов, то ли дело Америка. Там один завод в месяц дает до 1500 самолетов и если Америка нам не поможет, то мы не справимся с немцами. Да и самолеты наши хуже

⁶⁰ Там же. Л. 41.

⁶¹ Там же. Л. 58.

⁶² Там же. Л. 50.

⁶³ Там же. Л. 51.

⁶⁴ Там же. Л. 21.

⁶⁵ Там же. Л. 75.

⁶⁶ Там же. Л. 78.

⁶⁷ Там же. Л. 82.

американских. Вообще-то техника Красной Армии хуже немецкой, а сейчас исход боя решает техника»⁶⁸.

26 июня в Главном артиллерийском управлении НКО был подготовлен план отправки пулеметов для укрепленных районов в Себеж и ЛВО из Полтавы и других мест. По этому поводу капитан Крутиков заявил: «Выходит, что вторая оборонительная линия без пулеметов – точки пустые, а Гитлер подходит к старой границе. Пока идут пулеметы, У Ры будут заняты. Пять дней прошло, а Генштаб об этом не подумал. Вспомнили о второй укрепленной линии, когда нависла угроза. Если в Генштабе такой же большой аппарат, как в ГАУ, и работает он так же, то мы войну проиграем. Гитлер захватил врасплох. Мы были неподготовлены. Напрасно давали Финляндии хлеба, Гитлеру – горячее и хлеба, а теперь нашим горячим и нас же бьют». По мнению сотрудника Мобилизационного управления подполковника Родионова, «наши проспали, противник хитрый, учел даже все мелочи. Начал войну в воскресенье с расчетом захватить врасплох, так как командный состав в этот день отдыхал. Наше командование знало, что противник концентрирует войска на нашей границе, а отнеслось благодушно. Эта беспечность привела к тому, что наши части стали отходить. В стране у нас было много шумихи, а мало дела. Началось отмобилизование, а в некоторых военных округах нет обмундирования (ПриБОВО). Самолетам не хватает бомб. Спрашивается, к чему же готовилось наше командование»⁶⁹. Как полагал начальник 3-го отдела Военно-топографического управления Генштаба майор Бодалин, «а немцы опередили нас в развертывании войск и их успех, по-видимому, создает в Германии моральный подъем. Они имеют много авиации и, наверное, превосходство в воздухе, по отношению к нам. Тем более что ими используется вся военная промышленность оккупированных стран»⁷⁰.

28 июня работник автобазы НКО Тарасов полагал, что «если наши войска будут так обороняться как сейчас, то Гитлер, наверное, нас победит». По мнению работника Семенова, «Гитлер молодец – умеет воевать, знает тактику, а мы остались в дураках, наши хлопают ушами и поэтому германские войска так быстро наступают и бьют Красную Армию. Особенно плохо обстоит с авиацией, потому что наша авиация гораздо хуже, чем немецкая». Как полагал шофер Макаров, «Гитлер хорошо умеет воевать, немцы свое дело знают, технически грамотны и победят. Вот, смотрите, наши с финнами положили много людей, а немцы линию Мажино взяли без потерь. Командование Красной Армии думает взять на „ура“, но это время прошло, немцы „ура“ не боятся, нужна техника, умение, а этого у нас нет»⁷¹. По мнению преподавателя кафедры Военной академии механизации и моторизации Красной Армии полковника И. М. Снежкова, «Гитлер не ставит себе целью свержения Советской власти, а преследует лишь цель выхода на рубеж реки Днепра или на какой-либо другой рубеж и предложит нам мир на выгодных для себя условиях. Гитлер в своей декларации называет войну с Советским Союзом освободительной войной, войной за освобождение Эстонии, Латвии, Литвы и Бессарабии»⁷².

29 июня начальник 3-го отдела УПС Главного интендантского управления Красной Армии Чувиленков полагал, что «война с Германией называется отечественной войной неправильно. Отечественной войной можно назвать такую войну, для ведения которой поднимается весь народ, без различия классов, сословий и состояния. В советско-германской войне есть не мало пораженцев»⁷³. По мнению слушателя 2-го курса Военно-ветеринарной академии Канищева, «до начала войны с Германией везде и всюду выступали и сейчас заявляют, что наша

⁶⁸ Там же. Л. 94.

⁶⁹ Там же. Л. 96–97.

⁷⁰ Там же. Л. 97–98.

⁷¹ Там же. Л. 32–33.

⁷² Там же. Л. 41–42.

⁷³ Там же. Л. 28.

Красная Армия непобедима, а фактически по результатам первых боев видно, что Красная Армия отступает. Очевидно, наша армия по своей силе уступает германской. Так же не подтверждается и лозунг ведения войны на территории противника, так как бои с немцами идут не на территории Германии, а на нашей территории»⁷⁴.

30 июня инженер Энергоотдела Главного военностроительного управления Красной Армии Пискарев считал, что «агитацией заниматься за победу Советского Союза легко, но плохо то, что Советский Союз не подготовился к войне. Германия стала наступать безнаказанно, забирая один за другим города, не встречая сопротивления. Если так будет продолжаться, СССР может потерпеть поражение и вынужден будет согласиться на любые мирные условия. Свою силу Германия уже показала на протяжении всей войны с Францией и другими странами, а сейчас с Советским Союзом»⁷⁵.

1 июля генерал-майор Павлович из 1-го Свердловского пехотного училища полагал, что «раз речь идет о Березине, значит, укрепления пройдены немцами... теперь до самого Ленинграда равнина... ни одного препятствия. Вопрос идет о народном ополчении, значит, кадровая армия порядочно пострадала. Теперь надо думать не об отпоре немцам, а о том сумеют ли армии Южной группы выйти из мешка, в который они попали в районе Львова»⁷⁶. По мнению красноармейца Горбунова Н. В. из того же училища, «цифры о потерях противника дутые, где же можно учесть, когда наши войска все отступают, а противник наступает»⁷⁷.

5 июля подполковник Белай (16-я армия Западный фронт) полагал, что «наше командование заключило договор с Германией и на этом успокоилось, начали митинговать, сколачиванием армии не занимались. Больше всего уделяли внимание на введение новой формы, в результате этого мы оказались неподготовленными к обороне. Немцы нас жмут, несомненно, у нас будет много дезертиров и молодежь наша мало надежная и небоеспособная, будут стараться увильнуть от войны, начнут дезертировать, пальцы рубить и искать выхода. У нас привыкли только кричать в мирной обстановке, а сейчас оказалась одна бестолковщина и нет никакого порядка»³.

8 июля сотрудник Управления военно-учебных заведений НКО полковник Ковардин считал, что «немцы теснят нашу армию. Надо отдать справедливость: у немцев четко организован армейский аппарат, не то, что у нас и нам надо у них в этом отношении поучиться»⁷⁸. По мнению сотрудника Управления боевой подготовки полковника Вишнякова, что «наши прохлопали с развертыванием, надо было к этому готовиться раньше, а теперь неизвестно, что получится... Германская армия хорошо организована, дисциплина значительно сильнее, войска имеют большой опыт боевых действий, и организация управления войсками поставлена высоко. Наличие этих фактов дает возможность немецким войскам продвигаться на нашу территорию»⁷⁹.

11 июля генерал-майор артиллерии Внуков полагал, что «Красную Армию сильно бьют. В сводках фактических данных о потерях нет. Зная организацию во время финской кампании, я могу себе представить, что сейчас происходит и как наших колошат. Дальнейшее продвижение немцев очевидно и, возможно, Москву ждет повторение 1812 года»⁸⁰.

13 июля лектор Отдела пропаганды Управления политической пропаганды Юго-Западного фронта старший политрук Теличко (член ВКП(б)) полагал, что «мы отступаем потому,

⁷⁴ Там же. Л. 71.

⁷⁵ Там же. Л. 28–29.

⁷⁶ Там же. Д. 100. Л. 30.

⁷⁷ Там же. Д. 99. Л. 266.

⁷⁸ Там же. Л. 244.

⁷⁹ Там же. Л. 244–245.

⁸⁰ Там же. Л. 251.

что наши генералы бездарные полководцы, поэтому они не могут организовать отпор и нанести удар по врагу. Я поражен этим. Немцы инициативнее и хитрее». По мнению заместителя начальника отделения по понтонным войскам капитана Химочкина, «наше отступление не иначе как связано с делом рук предателей и, безусловно, предателей из числа больших военных чинов. Это подтверждается тем, что наши части в первый день войны воевали лопатами, без оружия»⁸¹.

8 июля начальник Отдела политической пропаганды 28-й танковой дивизии Северо-Западного фронта батальонный комиссар Третьяков полагал, что «наши генералы brave в мирное время, в военное время превратились в мокрых кур, растерялись и наводят панику в частях. Примером может служить заместитель командующего фронтом генерал-лейтенант Сафронов. Противник был еще в Ионишках, а мы отступали из Риги и на вопрос, почему отступаем, он ответил: „Немец под Митавой, надо спасать армию, вывести и взорвать мосты, не дав ему дальнейшего продвижения“». По мнению командира 28-й танковой дивизии полковника Черняховского, «мне кажется, что о действительном положении на фронте и о количественном составе противника в Москве не знают. За время боевых действий я не видел у противника хорошо сформированных частей, ни в одном месте они не выставили крепких сил, а выбрасывают отдельные группы и если им дать бой, они бегут и идут там, где нет войск. С 2 июля наша дивизия отступает. Так можно отступать до Москвы. Я со всей ответственностью заявляю, что если бы мне дали укомплектованную дивизию и оставили те войска, которые находятся в районе Острова и Пскова, я в течение двух дней выгнал бы противника за пределы наших границ и дальше». Как указывал помощник начальника 2-й части штаба 28-й танковой дивизии капитан Козлов, «среди красноармейцев, когда им говоришь об отступлении, идет массовое недовольство и буквально приходится вытаскивать из окопов, люди хотят драться, а приказы отступать»⁸².

* * *

Таким образом, документы военной контрразведки свидетельствуют о наличии целого комплекса причин неудач советских вооруженных сил в начальный период Великой Отечественной войны. Наиболее часто указываемой в документах проблемой войск являлась неорганизованность и неразбериха, существовавшие в армии и в мирное время, но ставшие серьезным препятствием к организованным действиям с началом войны. Этому немало способствовали паника и растерянность определенной части личного состава, возникшие в результате как внезапного нападения противника, так и неудачных боевых действий своих частей в первые дни войны. Можно предположить, что в это время большая часть личного состава Действующей армии пережила психологический надлом, связанный как с переходом от мирной жизни к войне, так и с явным расхождением образа войны, сформированного в сознании советских людей накануне 22 июня 1941 г., и реалий боевых действий. Не имея опыта борьбы с равноценным противником, советские войска не имели ни психологических, ни практических навыков действий в динамичной, резко меняющейся обстановке, в условиях прорыва фронта противником, окружений и отступлений. Все это накладывалось на такой стереотип общественного сознания как неверие в свои силы. Если в мирное время эта особенность общественных настроений проявлялась лишь в разговорах, то во время войны она стала питательной почвой для распространения паники и неустойчивости войск. Фактически войска Действующей армии, неожиданно для себя вовлеченные в боевые действия, переживали острое шоковое

⁸¹ Там же. Д. 100. Л. 91–92.

⁸² Там же. Л. 138–139.

состояние, в котором любые самые фантастические слухи и предположения практически сразу же воспринимались как достоверные факты, воздействуя на поведение больших масс людей.

Еще одним бросающимся в глаза фактом является слабая профессиональная подготовка определенной части командного состава Красной армии. Это стало еще одной причиной неразберихи, неустойчивости и паники в войсках. Не умея организовать своих подчиненных на выполнение боевых задач, такие командиры лишь подталкивали бойцов к убеждению в заведомом неуспехе любых собственных действий. Конечно, приведенные выше выдержки из документов военной контрразведки не дают возможности дать какие-либо количественные оценки подобных негативных явлений, однако они вполне позволяют констатировать, что в начальный период войны Красная армия явно не являлась отлаженным военным инструментом, готовым выполнить любой приказ Главного командования. Неорганизованное вступление в бой, отсутствие разведки, связи и управления соединениями, частями и подразделениями, а также снабжения и взаимодействия войск на поле боя, все это, по сути, превращало Действующую армию в значительной степени в вооруженную толпу, не имеющую возможности оказать серьезный отпор противнику. Естественно, что в такой ситуации заметное распространение получили настроения относительно готовности к сдаче в плен. Конечно, это не означает, что в массе своей советские военнослужащие мечтали сдаться в плен, но в ситуации неудачного для Красной армии начала войны, когда шок от перехода от мирной жизни к военному быту и от поражений на фронтах стал питательной средой для таких настроений, неустойчивый боец видел выход из ситуации в сдаче в плен или в дезертирстве. Не случайно, что к 20 июля 1941 г. оперативными заслонами и заградительными отрядами было задержано 103 876 человек, по той или иной причине «потерявших» свои части, большая часть которых была вновь отправлена на фронт. С 20 по 26 июля было задержано еще 25 355 человек, из которых 1 189 было арестовано за шпионаж, трусость, дезертирство и дезорганизацию фронта, а 505 было расстреляно⁸³. К 31 июля германские войска взяли в плен 814 030 советских военнослужащих⁸⁴.

Понятно, что в этих условиях успешные действия отдельных воинских формирований Красной армии не увязывались в единую систему и не оказывали заметного влияния на ситуацию на фронте. Однако благодаря им противник нес все более серьезные потери, что в перспективе вело к созданию условий для срыва германского «блицкрига». Конечно, для современников и участников тех далеких событий этот результат был отнюдь не очевиден. К сожалению, боевые действия советских войск в начальный период войны не оказали заметного влияния на реализацию планов германского командования. К исходу 9 июля германские войска успешно развивали наступление согласно плану «Барбаросса». Группа армий «Север» продвинулась на 450–500 км до Центральной Эстонии и вышли на фронт Псков – Остров – Опочка – Себеж. Войска группы армий «Центр» вышли на фронт Полоцк – Витебск – Орша – Жлобин, продвинувшись на 450–600 км. На Юго-Западном фронте советские войска с 1 июля начали отходить на линию старых укрепленных районов, но части 1-й танковой группы противника успели преодолеть эти укрепления до их занятия советскими частями. К 9 июля группа армий «Юг» в Западной Украине продвинулась на 300–350 км. Потери сторон в начальном периоде войны показаны в таблице 1.

Таблица 1

Потери сторон к 10 июля 1941 г.⁸⁵

⁸³ Там же. Л. 312–313.

⁸⁴ *Schustereit H. Vabanque: Hitlers Angriff auf die Sowjetunion 1941 als Versuch, durch den Sieg im Osten den Westen zu bezwingen.* Bonn. 1988. S.73.

⁸⁵ *Язов Д. Т.* Впереди была война//Военно-исторический журнал. 1991. № 5. С. 14; Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование. М., 1993. С. 368; Стратегический очерк Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). М., 1961. С. 190–191; *Schustereit Я. Vabanque.* S. 70, 82–83;

	Красная Армия	Вермахт
Личный состав	815 700	79 058
Орудия и минометы	21 500	1061
Танки	11 783	350
Самолеты	4013	826

Тем не менее, несмотря на потери и поражения первых недель Великой Отечественной войны, Красная армия вовсе не была разгромлена. Вопреки ожиданиям германского руководства, да и большинства сторонних наблюдателей, оказалось, что действия советских вооруженных сил постепенно принимают все более организованный и целенаправленный характер. Это давало самое в тот момент главное – выигрыш времени, что в свою очередь позволяло советскому военно-политическому руководству более полно использовать военно-промышленный потенциал и мобилизационные возможности Советского Союза. В итоге Красной армии в 1941 г. удалось совершить то, что до того не смог сделать ни один из противников Третьего рейха – удержать фронт и перевести войну в затяжную, выиграть которую Германия в тех условиях не могла.

Александр Осокин. 22 Июня 1941 года: новая версия (отрывок из книги «Великая тайна Великой Отечественной. Новая гипотеза начала войны»)

22 июня 1941 г. – одна из самых страшных дат в жизни нашего народа, с которой связаны невосполнимые утраты в каждой семье нашей страны и которая навсегда оставила вопросы: как такое могло случиться и кто за это несет ответственность? Пока ответы на них не даны...

Основные известные версии причин успеха фашистского блицкрига против СССР на первом этапе войны.

1. Советская официальная версия, не пересмотренная со времен Сталина.

Вероломно, без объявления войны, нарушив заключенные в 1939 г. советско-германские соглашения (Пакт о ненападении и Договор о дружбе и границе), с превосходящими силами, имея двухлетний опыт войны и более совершенную военную технику, собрав под свои знамена всю Европу, Германия напала на СССР.

2. Версия Хрущева. Сталин, создав культ собственной личности, опасаясь потерять власть, вел политику репрессий против партии и народа, уничтожил значительную часть высшего и среднего комсостава Красной Армии, сильно ее ослабив. Это стало очевидным во время бездарной финской войны и спровоцировало Гитлера на клятвопреступное нарушение Пакта и Договора и нападение на СССР.

3. Версия о предательстве высшего генералитета. Эта версия – самая старая, получившая хождение еще с 1937 г., на основании ее были произведены чудовищные предвоенные репрессии против военных. Почему-то, несмотря на разоблачения культа личности и юридическую и моральную реабилитацию невинно уничтоженных командиров Красной Армии, в последнее время появился целый ряд книг и даже серийных изданий, активно поддерживающих эту версию. Мало того, в них делаются довольно прозрачные намеки в адрес самых высоких военачальников Красной Армии периода начала войны – вплоть до наркома обороны Тимошенко и начальника Генштаба Жукова.

Скорее всего, поводом для подобных «открытий» и нового витка этой столь привычной для довоенного советского времени и довольно дикой для сегодняшнего дня версии стали опубликованные в последние годы (после открытия архивов и окончания сроков давности документов) многие невероятные факты предвоенного советско-германского сотрудничества, которые без понимания их истинной причины вполне могут быть приняты за предательство.

4. Версия перебежчика Резуна-Суворова (про-английская). Сталин сам готовил революционную войну СССР против капиталистического Запада, которая должна была начаться с нападения на Германию. Для этого он стянул войска к границе, увеличил численность Красной Армии с 3,5 до 5 млн человек. Гитлер, узнав об этом, нанес упреждающий удар по разворачивающимся советским войскам. Сталин же был абсолютно уверен, что, не покончив с Англией, Гитлер на два фронта воевать не будет.

5. Официальная версия российского правительства, действовавшая в 1992–2000 гг. (нечто среднее между версиями Хрущева и Резуна). Ее главные элементы: Сталин вскормил Гитлера, фашистский меч ковался в СССР (имеется в виду послерапальское советско-германское военное и военно-техническое сотрудничество 1922–1933 гг.).

6. «Обывательская». Главной причиной колоссальных потерь первых дней войны были наша российская безалаберность и наведение порядка лишь после полученного удара, как это почти всегда бывает в России.

Следует отметить, что все вышеуказанные объяснения причин поражения советских войск в первые дни войны (как и ряд других, не перечисленных здесь) рано или поздно отпадали или получали мощный отпор от историков, писателей и публицистов. Рассмотрим их мнения и комментарии к ним.

7. Версия о «стихийном, никем не управляемом восстании в Красной Армии (впервые была приведена в книге И. Бунича «Операция „Гроза“. Ошибка Сталина»). Ее суть в изложении И. Бунича: «...на тысячекилометровом фронте миллионы офицеров и солдат преподнесли предметный урок преступному режиму, начав с открытием военных действий массовый переход на сторону противника». Однако, как свидетельствуют факты, массовое попадание в плен в первые дни войны происходило по не зависящим от командиров и красноармейцев обстоятельствам.

Довольно близка к версии И. Бунича версия М. Солониной, изложенная в книге «22 июня, или Когда началась Великая Отечественная война?», объясняющая неслыханный разгром Красной Армии в первые дни войны эффектом «бочки, с которой сбили обручи». М. Солонинин имел в виду то, что «мощнейший удар, нанесенный вермахтом, разрушил старый страх новым страхом, а „наган“ чекиста как-то потускнел и затерялся среди грохота десятков тысяч орудий, среди лязга гусениц десятков тысяч танков».

8. Версия о том, что «Советское правительство провоцировало политическое и военное руководство Германии на боевые действия, и потому и не приводило войска в боевую готовность, проявляя мнимую беспечность... чтобы в глазах мирового сообщества выглядеть не агрессором, а страной, подвергнувшейся нападению» (изложена в книге Р. Иринархова «Прибалтийский Особый»).

Весьма похожий взгляд на эту проблему излагают Я. Верховский и В. Тырмос в своей книге «Сталин. Тайный „сценарий“ начала войны»: «Только став жертвой гитлеровской агрессии, СССР мог получить поддержку Англии и Америки, в том числе главную – „ленд-лиз“». Для этого Сталин якобы должен был разыгрывать «сценарий» полного неведения о подготовке к нападению агрессора, с которым у него был подписан договор о ненападении...

Приношу признательность авторам всех упомянутых книг, из которых я почерпнул большое количество интереснейших и важнейших фактов о подготовке и начале Великой Отечественной войны, что помогло мне прийти к новому пониманию причин катастрофы 22 июня 1941 г. и создать новую гипотезу начала Великой Отечественной войны, избежав огромной работы с архивами и первоисточниками. Хотя я не разделяю выводы и главные идеи этих книг, совершенно не согласен с версией о подготовке удара советских войск по немецким, а разговоры о предательстве советского генералитета считаю просто неприличными.

Неожиданность нападения Гитлера

С момента прихода Гитлера к власти неизбежность военного столкновения с Германией была очевидна. До этого в течение десятилетия (1922–1933 гг.) активного советско-германского военного и военно-технического сотрудничества две страны давали другу полную картину состояния своих армий, стратегии, тактики и военной техники. Поэтому СССР имел реальную возможность принять необходимые контрмеры. Все ресурсы страны были брошены на обеспечение нужд Красной Армии. Уже в 1939–1940 гг. промышленность СССР была переведена на военные рельсы, численность Красной Армии увеличена. Сам факт прямого противостояния огромных группировок советских и немецких войск в 1939–1941 гг. указывал на возможность их столкновения.

Объяснение советского руководства и историков по поводу неожиданности нападения Германии: наши части только разворачивались, поэтому не были готовы к удару. Объяснение В. Суворова-Резуна: советские части готовились лишь к наступлению, а не к обороне. В 1941 г. немецкого удара ждали все, предупреждали о нем, но почему-то он оказался неожиданным лишь для И. В. Сталина.

Превосходящие силы и техника фашистских войск

К настоящему времени стало довольно точно известно соотношение советских и германских сил на советско-германской границе 22 июня 1941 г.

Количество	Советских	Германских	Соотношение
Дивизий	190	166	1,15:1
Солдат	3 289 851	4 306 800	1:1,3
Танков и штурмовых орудий	15 687	4171	3,8:1
Самолетов	10 743	4846	2,2:1
Артиллерии — орудий и минометов	59 787	42 604	1,4:1

Из этой таблицы (по М.Мельтюхову) видно, что о превосходстве немцев говорить не приходится. Так, например, тяжелых танков (более 40 тонн) у немцев вообще не было, а в Красной Армии – 564 машины (504 новейших КВ и 59 Т-35); средних танков (более 20 тонн) у немцев было 990, а у Красной Армии – 1373, в том числе 892 новейших Т-34 и 481 Т-40.

Ресурсы СССР и Германии были несоизмеримы, поэтому первую часть Второй мировой войны (1939–1941 гг.) Гитлер провел с помощью ресурсов, полученных от СССР, вторую же он мог провести, лишь получая их от Франции и Англии либо накопив их на несколько месяцев блиц-крига за счет прошлых поставок СССР, а в 1941–1944 гг. используя ресурсы оккупированных территорий СССР.

Превосходство немцев в боевом опыте

Здесь тоже неувязка: некоторые авторы подсчитали, что непосредственные боевые действия немецкие войска во Второй мировой войне до 22 июня 1941 г. вели всего лишь в течение 17 дней (7 дней в Польше и 10 дней во Франции). В эти же два года Красная Армия вела боевые действия в течение значительно большего времени (Халхин-Гол — 2 месяца, Финляндия — 4 месяца). Явный перевес имели лишь летчики Люфтваффе, получившие богатый опыт боев в небе Англии.

Возражения против версии о предательстве генералитета

Главная причина возникновения мыслей о предательстве – непрофессиональные и необъяснимые приказы и действия нашего военного командования в последние предвоенные дни, приведшие к катастрофе 22 июня 1941 г.:

запреты занимать предполье и укрепрайоны, выдавать снаряды и горючее в приграничных частях, сбивать немецкие самолеты-нарушители;

приказ сосредоточить вблизи границы огромное количество воинских соединений, находящихся из-за отсутствия боеприпасов и горючего в небоеспособном состоянии;

создание в непосредственной близости от границы большого количества аэродромов и сосредоточение на них основных сил фронтовой и бомбардировочной авиации, а также складов основных запасов боеприпасов, горючего, амуниции и многое другое.

Совершенно очевидно, по чьему устному указанию издавались все эти приказы, давались запреты, разрешения и распоряжения. По его же устным указаниям или с его одобрения готовились и невнятные Директивы наркома обороны № 1, № 2 и № 3.

Возражения против хрущевской версии

Некоторые авторы считают, что предвоенные репрессии не только избавили страну от пятой колонны, но даже укрепили Красную Армию. Их логика такова: многие репрессированные командиры Красной Армии были участниками Гражданской войны и тянули назад в прошлое, к кавалерии. Их уход даже выдвинул молодые современные кадры (автор категорически не разделяет этого мнения).

Возражения и соображения по версии Резуна – Суворова

У версии Суворова есть 2 главных постулата:

– Гитлер не агрессор, он лишь упредил агрессора – Сталина.

– К началу войны Германии и СССР Англия никакого отношения не имеет. И вообще, Вторую мировую войну начали два агрессора – Гитлер и Сталин, которые потом поссорились. (Об «объективности» Суворова можно судить хотя бы по тому, что в его основополагающей книге «Ледокол» имя «Гесс» даже ни разу не упоминается, как будто за 1,5 месяца до начала Великой Отечественной войны первый заместитель Гитлера по партии не оказался в Англии. С чего бы это?)

При всей своей сенсационности (в момент появления) версия Суворова является не более чем про-английским вариантом геббельсовско-риббентроповского объяснения причин нападения Германии на СССР, изложенного в том числе в ноте, которая, как выяснилось в последние годы, все-таки была вручена германским послом в Москве Шуленбургом Молотову и в Берлине советскому послу Деканозову Риббентропом ранним утром 22 июня 1941 г.

Наша отечественная безалаберность

Она, конечно же, имела место и тогда, однако в необычайно ослабленном, по сравнению с любым другим периодом, виде. Сказывался сталинский жесткий порядок, где и за расхлябанность можно было стать «врагом народа». Действовали независимо друг от друга несколько жестких контролей – партийный, государственный, органов безопасности и внутренних дел... Так что думается, в 1941 г. в нашей стране безалаберности было гораздо меньше, чем в любое другое время.

Возражения против версии о «стихийном восстании»

Главное возражение – это ментальное неприятие русским человеком предательства в принципе. Какими бы, пусть даже самыми высокими идеями оно ни объяснялось, – ни понимания, ни прощения народа предатель или перебежчик в нашей стране никогда не получал. Исторические тому примеры – Святополк, князь Курбский, Лжедмитрий I, царевич Алексей Петрович, гетман Мазепа и др. Даже невозвращенцы периода сталинских репрессий особыми симпатиями народа в последующем никогда не пользовались. Массовое предательство русских – невероятное предположение!

Другое очень веское доказательство несостоятельности версии И. Бунича – автора неправильного вывода о «стихийном восстании Красной Армии» заключается в том, что даже имея миллионы советских военнопленных и найдя главного предателя – генерала Власова, готового возглавить антисталинскую Русскую освободительную армию, немцы долго не создавали эту армию, а когда создали, то оставили ее без оружия, не доверяли ей и использовали в основном на Западе, а на Востоке – лишь в самом конце войны.

Миллионы советских бойцов и командиров, попавших в плен в 1941 году, не были предателями, скорее они были преданы, ибо не знали тайных планов высшего руководства страны, а потому не понимали подоплеку происходящего перед войной и в ее первые дни

По поводу солонинской «рассыпавшейся бочки», с которой слетели «обручи страха». Образ яркий, однако неточный. Он относится к июньским дням 1941 г., когда раскатившиеся «обручи» страха перед сталинским режимом заменялись на другие – «обручи» плена и оккупации, где страха было неизмеримо больше. В России в моменты войны с захватчиками проявляется патриотизм, в мирное время почти неощущаемый, который не рассыпает народ и страну, а спаивает воедино. Так, в 1812 г. русские крепостные неотреагировали на посулы Наполеона дать им волю, а насмерть бились с иноземцами в одних рядах со своими господами. Не случайно Сталин повторил в названии войны с Германией слово, рожденное в далеком 1812 г., – «Отечественная».

Возражения против версий «Провоцирование немцев на нападение» и «Мнимая беспечность – жертва во имя получения помощи по ленд-лизу»

Первое возражение – вопиющая несоразмерность понесенных жертв и ожидаемой помощи.

Второе – неизбежность нанесения в этом случае Красной Армии нового тяжелого поражения, которое после неудачной Финской кампании окончательно подорвало бы ее моральный дух и авторитет, с чем вождь никак не мог согласиться.

Эти версии кажутся весьма надуманными и имеют лишь одну цель – хоть чем-то объяснить совершенно необъяснимое нетерпимое отношение Сталина к доводимым до его сведения предупреждениям и фактам, свидетельствующим о подготовке Гитлера к нападению на СССР. Они сильно смахивают на народную байку: «Выбью себе глаз – пусть у моей тещи-гадины будет зять кривой!».

Все вышеприведенные версии направлены на то, чтобы хоть как-то объяснить необъяснимый до сих пор неслыханный разгром 22 июня 1941 г. мощнейшей армии мира. В одной из своих последних статей В. Суворов-Резун написал: «Правильность любой теории измеряется ее объясняющей силой... Моим оппонентам не надо меня ни разоблачать, ни уличать. Им надо найти другое – простое, понятное, логичное объяснение тому, что случилось в 1941

году. Пока они другой теории не придумают, „Ледокол“ будет продолжать свое победное плавание». Тут Владимир Богданович явно погорячился – его гипотеза теорией еще не стала, хотя одно важное дело она действительно сделала – взломала незыблемый лед официальной версии начала войны, которая, мягко говоря, не очень соответствовала истине. Однако объяснения всему происшедшему в первые дни Отечественной войны «ледокольная» версия не дала – ведь если Сталин готовил нападение на Германию, советские войска должны были подтягиваться к границе и иметь полный комплект боеприпасов и горючего, они же были оттянуты от нее на 30—100 километров и не имели ни боеприпасов, ни горючего. Не объясняет она еще нескольких важных вещей – почему вдруг оказалась отложенной операция «Морской лев», зачем Гитлер отпустил 400 тысяч солдат противника из Дюнкерка в Англию, почему материалы о пребывании Гесса в Англии засекретили на 25 лет свыше установленного законом срока (в некоторых публикациях указывается даже более страшная цифра – на 50 лет!), почему Суворов-Резун в своих многочисленных книжках ни разу даже не упомянул имя «Гесс», почему первые бомбежки советской территории 22 июня начались за полтора – два часа до назначенного фюрером срока, зачем в последние дни перед началом войны в приграничной полосе СССР меняли ширину железнодорожной колеи с русской на европейскую? Почему 22 июня 1941 г. Гитлер против своего желания нарушил сразу две заповеди своих великих предшественников – начал войну против России и повел войну на два фронта?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.